ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

80579

МБУК «ГЦ» ФОНД РЕДКИХ КНИГ

88 251 2
Р 19

ПАМЯТЬ

Ъ ЕЯ НОРМАЛЬНОМЪ и БОЛѢЗНЕННОМЪ СОСТОЯНІЯХЪ.

Соч. TH. RIBOT.

рофессора College de France и редактора журнала „Revue philosophique".

ПЕРЕВ. СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ д-ра Аболенскаго.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

ДАР
Л. С. ПОЛЕВОГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

*) **Избранныя сказки Андерсена.** 31 сказка. 90 сунк. 272 с
Переводъ А. Неѣловой, въ папкѣ ц. 1 р.

*) **Другъ дѣтей.** Сборникъ разсказовъ, собранныхъ и перес занныхъ по нѣмецкимъ писателямъ А. Н. Н ловой, съ 80 рис. знаменитаго художника Каульбаха и др. въ краси папкѣ. Ц. 1 руб. 20 к.

*) **Сказки доброй феи.** Соч. Ж. Массе. Съ 35 рисунка художника Берталя. Переводъ французскаго А. Н. Неѣловой. Спб., въ красной папкѣ. Ц. 1 руб.

*) **Золотое дѣтство.** Разсказы для дѣтей младшаго в раста, изложенные по сборника нѣмецкихъ дѣтскихъ писателей А. Н. Неѣловой. Съ рисунками, въ пап Ц. 1 р. 20 к.

*) **Для ума и сердца.** Разсказы для дѣтей младш возраста, А Н. Неѣловой 60 рисунками, 263 стр. въ папкѣ. Ц. 1 р. 20 к.

*) **Избранные сказки и разсказы.** Тартарен изъ Тарас на. Соч. А. Додэ. Пер. А. Неѣловой Съ 35 рис. худ Баяра и Мари. 2 стр. въ папкѣ. Спб. Ц. 1 р.

*) **Путешествія и приключенія барон Мюнгаузена.** Обработ Фр. Гофманомъ. Пер. А. Неѣловой, 50 рисун., въ папкѣ. Спб. Ц. 1 р. 35 к.

*) **Путешествіе Гуливера** по отдаленнымъ страна свѣта. Обработано Ф Гофманомъ. Перев. А. Н. Неѣловой съ 45 рисунками въ папкѣ. Цѣ 1 р. 35 к.

*) **Сто сказокъ разныхъ странъ и наро довъ.** Сборникъ составленъ А. Н. Неѣловой. Большой томъ 460 ст Съ 160 рисунками въ красной папкѣ. Ц. 2 р.

*) **Маленькіе школьники пяти часте свѣта.** Фелисьенъ, маленькій парижанинъ.—Адамъ Смитъ, маленьк американецъ.—Ляо, маленькій китаецъ.—Гансъ, маленьк эскимосъ.—Самба, маленькій африканецъ.—„Курчавая голова", мален кій австраліецъ. Соч. Эл. Бертэ. Переводъ А. Неѣловой, съ 75 рису ками и заставками. Спб. въ папкѣ, цѣна 1 р.

*) **Двѣсти разсказовъ.** Для дѣтей младшаго возраст Соч. Христ. Шмидта. Перевод съ нѣмецкаго А. Н. Неѣловой съ многочисленными рисунками. Сп въ красной папкѣ. Ц. 1 р.

Исторія одного маленькаго человѣка Соч. Р. Гальтъ, съ 90 рисун., перев. Неѣловой, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к

---

*) Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущ. въ учен. сред. возр. биб ліотеки средн. учебн. завед., а равно и въ безплатныя народ. читальн и библіотеки.

Типографія „РАЗСВѢТЪ", Спб. Гороховая 17.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Редактируя переводъ работы профессора Рибо о „Волѣ *) въ нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ“, мы имѣли случай указать на достоинства этой работы, къ которымъ относятся: ясность изложенія, правильная точка зрѣнія на предметъ, строгонаучный выборъ доказательныхъ фактовъ, основательность выводовъ и заключеній. Этими же самыми качествами отличается и настоящая работа того же автора о „Памяти въ нормальномъ и болѣзненномъ состояніи“. А потому мы находимъ основательнымъ рекомендовать и это сочиненіе Рибо вниманію интеллигентныхъ читателей, которые серьезно интересуются не только пріобрѣтеніемъ знаній, но и ознакомленіемъ со способами уясненія этихъ знаній, изощреніемъ способности находить и понимать связь и причинную зависимость среди безконечнаго разнообразія явленій нашей жизни, и достиженіемъ такимъ путемъ возможно большей осмысленности и поучительности своего личнаго опыта.

---

*) „Воля“. Соч. Т. Рибо, 3-е изд. ц. 40 к.

ПАМЯТЬ

ВЪ ЕЯ НОРМАЛЬНОМЪ И БОЛѢЗНЕННОМЪ СОСТОЯНІЯХЪ.

Отдѣлъ I. Память какъ біологическій фактъ.

Въ предлагаемомъ трудѣ я не буду долго останавливаться на выясненіи описательной стороны памяти, такъ какъ вопросъ этотъ подвергался тщательному изслѣдованію со стороны многихъ авторовъ, въ особенности шотландскихъ. Цѣлью своей я ставлю выясненіе природы памяти при помощи новаго психологическаго метода изслѣдованія; также хочу указать на то, что данныя физіологіи, въ связи съ фактами нашего сознанія, даютъ возможность поставить такую задачу въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ и затѣмъ, — что общепринятыя понятія о памяти и описанія ея въ психологическихъ трактатахъ не даютъ яснаго представленія объ этомъ процессѣ во всей его совокупности, сосредоточивая вниманіе лишь на одной сторонѣ его, наиболѣе развитой и сложной, которая ведетъ къ неправильному пониманію всего процесса, если изучается отдѣльно. Въ дѣйствительности память — это послѣдняя ступень долгаго періода развитія, расцвѣтъ явленій, которыхъ корни лежатъ глубоко въ предшествовавшихъ процессахъ органической жизни; такимъ образомъ по существу своему память—фактъ біологическій, а психологическимъ фактомъ она бываетъ только случайно.

Поставивъ на такую точку зрѣнія нашу задачу, мы должны изучить общую физіологію и общую психоло-

гію памяти, а также и ея патологію. Всѣ болѣзненныя явленія и разстройства, наблюдаемыя въ этомъ процессѣ, будучи правильно сгруппированы и изучены, перестанутъ представлять изъ себя курьезные факты и занимательные анекдоты, о которыхъ говорится шутя. По внимательномъ изученіи мы убѣдимся, что всѣ подобные случаи подчиняются извѣстнымъ законамъ, которые являются сущностью процесса памяти и помогаютъ узнать его механизмъ.

I. Память органическая (физіологическая). Мѣстопребываніе памяти. Измѣненія нервныхъ элементовъ. Динамическія ассоціаціи между этими элементами.

Подъ словомъ память обыкновенно понимаютъ слѣдующія три свойства субъекта: 1) сохраненіе имъ извѣстныхъ состояній, 2) воспроизведеніе ихъ и 3) локализацію ихъ (т. е. помѣщеніе ихъ въ надлежащемъ мѣстѣ въ прошломъ). Но на самомъ дѣлѣ совокупность этихъ свойствъ составляетъ только извѣстный видъ памяти, который называется полной памятью. Взятые въ отдѣльности эти элементы памяти имѣютъ различное значеніе: два первые очень важны, третій, обыкновенно называемый „узнаваніемъ" предмета, завершаетъ процессъ, но не входитъ въ составъ его. Если отнять два первые элемента, то исчезаетъ сама память; если же отнять только третій, то память, переставъ существовать для самой себя, продолжаетъ существовать въ самой себѣ. Послѣдній элементъ, исключительно психологическій, какъ бы добавляетъ собой два первые; въ то время, какъ тѣ—постоянны, онъ непостояненъ, не обязателенъ и есть ни больше, ни меньше, какъ извѣстная степень участія сознанія въ процессѣ памяти.

Если мы, подобно нашимъ предшественникамъ, станемъ считать память за „отдѣльную способность души" и изучать ее только посредствомъ самонаблюденія, то непремѣнно придемъ къ убѣжденію, что процессъ этотъ составляетъ совершенную, сознательную форму его проявленія,—и такимъ образомъ, употребляя плохой

методъ наблюденія, часть примемъ за цѣлое, или вѣрнѣе видъ за родъ. Современные ученые (Гексли, Клиффордъ, Маудсли и др.), считающіе сознаніе только спутникомъ извѣстныхъ нервныхъ процессовъ и приходящіе къ заключенію, что сознаніе «такъ же не способно оказывать вліяніе на эти процессы, какъ тѣнь на шаги пѣшехода», дали возможность пробиться новой теоріи, которую мы постараемся провести въ настоящемъ трудѣ. Не будемъ пока обращать вниманія на психическій элементъ и возвратимся къ нему только впослѣдствіи; а теперь постараемся свести нашу задачу къ простѣйшимъ даннымъ и посмотримъ какимъ образомъ безъ участія сознанія происходитъ въ организмѣ воспринятіе, сохраненіе и воспроизведеніе какого-нибудь состоянія, т. е. посмотримъ, какъ образуется память безъ помощи сознанія.

Прежде чѣмъ заняться собственно органической памятью, мы должны сказать о нѣкоторыхъ фактахъ, которые иногда съ нею сравнивались. Такъ, находили аналогіи памяти въ явленіяхъ неорганической природы, именно „въ способности свѣтовыхъ колебаній втеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени сохраняться на листѣ бумаги въ скрытомъ состояніи, изъ котораго ихъ можно вывести посредствомъ извѣстныхъ реагентовъ. Гравюры, подвергнутыя вліянію солнечныхъ лучей и затѣмъ сохранявшіяся въ темнотѣ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ будучи подвергаемы дѣйствію спеціальныхъ реактивовъ, обнаруживаютъ слѣды фотографическаго вліянія солнца на ихъ поверхность“ *). Если на листъ бѣлой бумаги положить ключъ, подвергнуть бумагу дѣйствію солнечныхъ лучей и затѣмъ спрятать въ темный ящикъ, то даже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ на листѣ сохранится изображеніе ключа **). Мы думаемъ, что какъ эти, такъ и другіе подобные факты имѣютъ слишкомъ отдаленную аналогію съ памятью, а потому имъ нельзя придавать большого значенія въ этомъ вопросѣ. Въ нихъ мы видимъ только первое условіе памяти, а именно сохра-

*) Luys, Le cervau et ses fonctions, стр. 106.
**) G. H. Lewes, Problems of life and mind, third series, стр. 57.

неніе полученнаго состоянія, воспроизведеніе же вполнѣ зависитъ отъ посторонняго агента, слѣдовательно совершенно пассивно и не можетъ имѣть ничего общаго съ естественнымъ воспроизведеніемъ воспоминаній. Кромѣ того мы постоянно должны помнить, что имѣемъ дѣло съ жизненными, а не физическими законами, и что основы памяти надо искать только въ свойствахъ организованной матеріи. Впослѣдствіи мы сами убѣдимся, что игнорированіе этого основнаго положенія можетъ повлечь за собой ложные выводы.

Я не останавливаюсь на такъ называемыхъ привычкахъ растеній, въ которыхъ также искали сходства съ памятью, а перехожу прямо къ болѣе доказательнымъ фактамъ.

Въ животномъ царствѣ, мышечная ткань даетъ намъ первый примѣръ способности матеріи пріобрѣтать новыя свойства, сохранять ихъ и автоматически воспроизводить. „Ежедневный опытъ", говоритъ Герингъ, „доказываетъ намъ, что сила всякаго мускула увеличивается соотвѣтственно увеличенію его работы. Мышечное волокно, вначалѣ слабо отвѣчающее на раздраженія, передаваемыя двигательнымъ нервомъ, мало по малу реагируетъ сильнѣе, если раздраженія производятся чаще, при этомъ необходимо, чтобы работа мышцы время отъ времени прекращалась, и она могла бы отдыхать. По исполненіи какой-нибудь работы мускулъ дѣлается болѣе способнымъ къ ней; повторить какое угодно движеніе легче, чѣмъ сдѣлать въ первый разъ,— слѣдовательно упражненіе облегчаетъ воспроизведеніе органическихъ процессовъ. Для мышцы гораздо болѣе необходима дѣятельность, чѣмъ покой. Это явленіе въ наиболѣе простой и подходящей къ физическимъ условіямъ формѣ даетъ примѣръ той способности воспроизведенія, которая такъ сложно выражена въ нервномъ веществѣ. Все, что мы знаемъ о мышечной ткани, болѣе или менѣе рѣзко замѣчается и въ тканяхъ другихъ органовъ. Повсюду функціональная способность органа улучшается тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще онъ находится въ дѣйствіи, причемъ дѣ-

ятельность его должна иногда прерываться отдыхомъ“ *).

Самая совершенная ткань животнаго организма — нервное вещество — представляетъ высшую степень развитія этихъ двухъ свойствъ сохраненія и воспроизведенія. Но нельзя видѣть типъ органической памяти въ самомъ простомъ видѣ нервной дѣятельности — въ рефлекторномъ актѣ. Рефлексъ является результатомъ извѣстнаго анатомическаго расположенія, независимо отъ того, входитъ ли въ составъ его одно или нѣсколько сокращеній, вызванныхъ соотвѣтствующимъ раздраженіемъ. Конечно, можно предположить съ нѣкоторой вѣроятностью, что анатомическое расположеніе, свойственное въ настоящее время животному, есть результатъ наслѣдственности и представляетъ особый видъ памяти,—что расположеніе это было нѣкогда пріобрѣтено, затѣмъ мало по малу укоренялось и стало существеннымъ свойствомъ организма, благодаря постояннымъ повтореніямъ. Итакъ, не будемъ защищать нашего положенія посредствомъ этого аргумента, такъ какъ оно можетъ быть доказано менѣе спорными основаніями.

Истинный типъ органической памяти,—здѣсь мы говоримъ о самомъ главномъ вопросѣ нашей задачи,— слѣдуетъ искать въ ряду фактовъ, удачно названныхъ Гартлеемъ вторичными автоматическими движеніями (secondarily automatic), въ противуположность прирожденнымъ или первичнымъ автоматическимъ движеніямъ. Эти вторичныя (пріобрѣтенныя) автоматическія движенія играютъ главную роль въ нашей повседневной жизни. Такъ, способность къ передвиженію (locomotio), которая бываетъ прирожденной у многихъ низшихъ животныхъ, у человѣка является только постепенно, и особенно способность координаціи движеній, благодаря которой постоянно сохраняется равновѣсіе нашего тѣла при помощи совокупности осязательныхъ и зрительныхъ впечатлѣній. Слѣдовательно, можно сказать,

*) Hering. Ueber das Gedächtniss als allgemeine Function der organisirten Materie. Vortrag, etc. 2-e Aufl. Wien. Gerolds John. 1876, p. 13.

что члены и органы чувствъ взрослаго человѣка функціонируютъ необыкновенно легко только при совокупности пріобрѣтенныхъ и координированныхъ движеній, при помощи которыхъ для каждой части дѣла опредѣляется отдѣльная память, служащая какъ бы капиталомъ, благодаря которому существуетъ организмъ, имъ распоряжающійся подобно тому, какъ разумъ живетъ и дѣйствуетъ сообразно съ прежними опытами. Къ этой же группѣ относятся и всѣ тѣ носящія уже искусственный характеръ движенія, которыя опредѣляютъ технику какого-нибудь ремесла, гимнастическую ловкость, ловкость въ различныхъ играхъ и т. п.

Изслѣдуя такимъ образомъ вторичныя автоматическія движенія вырабатываются, фиксируются и воспроизводятся, мы придемъ къ тому заключенію, что въ началѣ эта работа сводится къ образованію ассоціацій. Первоначальный матеріалъ получается отъ первичныхъ, простыхъ рефлексовъ: они группируются извѣстнымъ образомъ и комбинируются при помощи исключенія. Сначала втеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, работа эта происходитъ какъ-то неувѣренно. Тѣ движенія, которыя мы обыкновенно считаемъ совершенно естественными, усваиваются съ большимъ трудомъ. Солнечный лучъ, впервые достигающій зрѣнія новорожденнаго, заставляетъ его произвести рядъ нестройныхъ движеній; но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль является координація движеній, ребенокъ можетъ смотрѣть по одному направленію, фиксировать свѣтящійся предметъ и слѣдить за нимъ. Льюисъ говоритъ, что ребенокъ начинающій писать, совершенно не можетъ производить движеніе только рукой,—онъ двигаетъ обыкновенно и языкомъ, и мускулами лица, и даже ногой; но мало по малу онъ перестаетъ дѣлать эти излишнія движенія. Производя какое-нибудь мышечное движеніе, впервые мы употребляемъ на него слишкомъ много энергіи и только съ теченіемъ времени пріучаемся сохранять ее. Съ помощью упражненія мы привыкаемъ производить всѣ необходимыя движенія и исключать безполезныя. Вторичныя, динамическія ассоціаціи (т. е. память) вырабатываются въ нервныхъ элементахъ соотвѣтственно двигательнымъ

органамъ и комбинируются съ первичными и постоянными анатомическими ассоціаціями.

Если читатель обратитъ вниманіе на эти вторичныя автоматическія движенія, извѣстныя каждому, то убѣдится, что органическая память имѣетъ много общаго съ психологической памятью, отличаясь отъ этой послѣдней лишь отсутствіемъ сознанія. Теперь мы можемъ резюмировать указанныя свойства; тогда станетъ совершенно ясно полное сходство обоихъ видовъ памяти.

Процессъ усвоенія происходитъ иногда быстро, иногда медленно. Для этого процесса иногда бываетъ необходимо повтореніе извѣстнаго движенія, иногда же оно вовсе излишне. Органическая память принимаетъ различные оттѣнки въ зависимости отъ индивидуальности: у нѣкоторыхъ она отличается быстрымъ усвоеніемъ, у другихъ—медленнымъ. и бываютъ случаи, когда она совершенно отсутствуетъ (напр. неловкость есть ничто иное, какъ слѣдствіе плохой органической памяти). У однихъ двигательныя ассоціаціи запечатлѣваются крѣпко, у другихъ же онѣ скоро исчезаютъ. Эти двигательные акты группируются, подобно сознательнымъ воспоминаніямъ, въ одновременные и послѣдовательные ряды. Здѣсь замѣчательно, что каждый членъ извѣстнаго ряда вызываетъ слѣдующій за нимъ; это можемъ видѣть въ нашей ходьбѣ, когда мы вовсе не думаемъ о томъ, что идемъ, а между тѣмъ дѣлаемъ правильные шаги. Пѣхотный солдатъ и кавалеристъ верхомъ могутъ двигаться въ полуснѣ, все время не нарушая равновѣсія. Поразительный случай этой органической способности послѣдовательнаго вызыванія мышечныхъ актовъ разсказываетъ Карпентеръ *), говоря объ одномъ піанистѣ, который во снѣ исполнилъ фортепіанную пьесу; фактъ этотъ скорѣе всего можно объяснить участіемъ мышечнаго чувства, помогавшаго послѣдовательному ходу движеній. Не будемъ искать необыкновенныхъ случаевъ, а укажемъ только на движенія очень сложныя и опредѣленныя, которыя можемъ наблюдать постоянно,—это движенія, которыхъ начало и конецъ строго опредѣлены и сроки,

*) Mental Phisiology, стр. 75. § 71.

различные между собою, чередуются въ извѣстномъ постоянномъ порядкѣ; примѣромъ такихъ движеній могутъ служить восхожденіе и нисхожденіе по знакомой намъ лѣстницѣ. Психологическая память въ данномъ случаѣ не обращаетъ вниманія на число ступенекъ, а органическая узнаетъ это по своему такъ же, какъ и расположеніе этажей, площадокъ и прочія подробности; и въ этомъ она никогда не дѣлаетъ ошибки. И такъ мы должны согласиться, что эти строго опредѣленные ряды органической памяти вполнѣ сходны съ ассоціаціями памяти психологической, посредствомъ которыхъ мы можемъ вспоминать цѣлыя фразы, стихи или какую-нибудь музыкальную арію.

Такимъ бразомъ органическая память по способу усвоенія, сохраненія и воспроизведенія совершенно тождественна съ памятью психологической, и все различіе между ними заключается въ отсутствіи у первой сознанія. Но первоначально и двигательная функція сопровождается сознаніемъ, и только съ теченіемъ времени оно изглаживается. Иногда бываютъ случаи, очень замѣчательные, когда сознаніе исчезаетъ внезапно. Одинъ субъектъ, который по временамъ терялъ сознаніе, обыкновенно продолжалъ то движеніе, которое началъ до своего припадка; однажды, продолжая идти впередъ, онъ упалъ въ воду. Онъ былъ башмачникомъ, и часто во время потери сознанія ранилъ пальцы свои шиломъ, представляя, что шьетъ сапоги *). Аналогичные факты наблюдаются часто и при эпилептическомъ головокруженіи, называемомъ „petit mal". Одинъ скрипачъ, игравшій въ оркестрѣ, былъ подверженъ эпилептическимъ головокруженіямъ, заключающимся въ мгновенной потерѣ сознанія; припадки эти часто случались съ нимъ во время исполненія пьесы. „Несмотря на это, онъ продолжалъ играть, соблюдая тактъ, хотя конечно не понималъ, что вокругъ него происходитъ, не могъ ни видѣть, ни слышать тѣхъ, кому аккомпанировалъ **).

*) Карпентеръ. Mental Physiology, стр. 75.

**) Труссо, Leçons cliniques, t. II, XLI, § 2. Тамъ же приведено нѣсколько примѣровъ подобнага рода. Мы вернемся къ нимъ при изложеніи патологіи памяти.

Всѣ подобные случаи будто спеціально созданы для того, чтобы показать значеніе сознанія въ дѣлѣ памяти и то, что въ механизмѣ ея оно служитъ только добавочнымъ элементомъ.

Теперь у насъ возникаетъ вопросъ, какія модификаціи организма нужны для образованія памяти, и какія измѣненія происходятъ въ нервной системѣ, когда уже окончательно вырабатывается извѣстная группа движеній Этотъ вопросъ, касающійся органическихъ основъ памяти,—послѣдній, который можно поставить, основываясь на фактахъ; если память органическая является общимъ свойствомъ животной жизни, а психологическая есть ничто иное, какъ частное проявленіе этого свойства, то ясно, что все, открытое нами относительно органической памяти, будетъ относиться и къ психологической (полной) памяти.

Въ этомъ изслѣдованіи мы неизбѣжно должны построить гипотезу. Но при этомъ будемъ стараться избѣгать грубыхъ ошибокъ и, не высказывая никакихъ апріористическихъ заключеній, придерживаться фактовъ и полагаться только на твердо установленныя данныя изъ области нервной физіологіи. При этомъ замѣтимъ, что наша гипотеза можетъ быть безпрестанно видоизмѣняема. Она поможетъ намъ составить нѣкоторое опредѣленное представленіе о томъ сложномъ процессѣ, которымъ обусловливается и поддерживается память, вмѣсто какой-нибудь фразы о процессахъ сохраненія и воспроизведенія, составляющихъ главныя свойства памяти.

Первое, что мы сдѣлаемъ, — это рѣшимъ вопросъ, возникающій относительно мѣстонахожденія памяти. Въ настоящее время вопросъ этотъ не возбуждаетъ серьезныхъ споровъ. „Можно считать доказаннымъ", говоритъ Бэнъ, „что возобновленное впечатлѣніе занимаетъ то же мѣсто, въ которомъ находится и впечатлѣніе первоначальное". Для доказательства этого положенія можно произвести такой опытъ: мы упорно будемъ воображать предъ собой какой-нибудь яркій цвѣтъ и черезъ нѣсколько времени почувствуемъ утомленіе зрительнаго нерва. Часто случается, что когда мы продолжительное время смотримъ на какой-

нибудь окрашенный предметъ, то является послѣдующее ощущеніе, которое заключается въ томъ, что мы продолжаемъ видѣть тотъ же предметъ въ его прежнихъ очертаніяхъ, но окрашеннымъ въ дополнительный къ прежнему цвѣтъ. Возможно, что это явленіе имѣетъ много сходнаго съ процессомъ воспоминанія. Воспоминаніе также оставляетъ послѣ себя образъ, хотя не столь яркій. Такъ, если мы съ закрытыми глазами живо представимъ въ своемъ воображеніи какой-нибудь предметъ, ярко окрашенный, и, быстро открывъ глаза, обратимъ ихъ къ бѣлой поверхности, то на ней въ продолженіи короткаго времени увидимъ воображаемый нами предметъ, окрашенный въ дополнительный цвѣтъ. Явленіе это, говоритъ Вундтъ, примѣръ, котораго мы только что привели, убѣждаетъ въ томъ, что процессъ нервной дѣятельности въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же, т. е. какъ при воспріятіи ощущеній, такъ и при воспоминаніи о нихъ *).

Въ пользу этого положенія существуетъ такое множество фактовъ и наведеній, что его можно считать за достовѣрное, и очень сильные должны быть доводы, чтобы поколебать его. И дѣйствительно, вѣдь не существуетъ же единичной памяти, а есть только память множественная; точно также нѣтъ и какого-либо опредѣленнаго мѣстонахожденія памяти, а есть столько различныхъ мѣстъ, сколько различныхъ видовъ памяти! Воспоминаніе вовсе не находится, какъ часто говорятъ, „въ душѣ",—оно пребываетъ въ мѣстѣ своего возникновенія, въ той или другой части нервной системы.

Установивъ это положеніе, мы яснѣе можемъ видѣть физіологическія условія происхожденія памяти. По нашему мнѣнію, условія должны быть слѣдующія:

1) Особенное измѣненіе, запечатлѣвающееся на нервныхъ элементахъ.

2) Существованіе ассоціаціи, взаимной связи между извѣстнымъ числомъ этихъ элементовъ.

Этому послѣднему условію до сихъ поръ не прида-

---

*) См. подробности: Bain. Les sens de l'intelligence, trad. Cazeles, стр. 304 и добавленіе Д.

вали того большого значенія, какое оно въ дѣйствительности имѣетъ. Постараемся доказать это.

Обращая пока вниманіе только на органическую память, мы можемъ взять для примѣра какое-нибудь вторичное автоматическое движеніе изъ тѣхъ, которыя служили для насъ извѣстнымъ типомъ, и постараемся узнать, что происходитъ во время періода организаціи даннаго движенія; возьмемъ движеніе нижнихъ конечностей во время ходьбы.

При каждомъ движеніи необходимо происходитъ игра извѣстнаго числа поверхностныхъ или глубокихъ мышцъ, сухожилій, сочлененій, связокъ и пр. Подобныя измѣненія,—по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ,—передаются мозгу. Относительно анатомическихъ условій мышечной чувствительности могутъ быть различныя мнѣнія, но никто не сомнѣвается въ ея существованіи, и что благодаря ей мы узнаемъ, какая часть нашего тѣла принимаетъ участіе въ движеніи, и можемъ направлять это движеніе.

Что же объясняетъ это явленіе? Оно объясняетъ, что нѣкоторая опредѣленная группа нервныхъ элементовъ получаетъ и сохраняетъ извѣстныя измѣненія. „Очевидно", говоритъ Маудсли (тщательно изучавшій значеніе движеній у человѣка), „что нервные центры сохраняютъ слѣды двигательныхъ реакцій. Движенія, направляемыя какимъ-нибудь нервнымъ центромъ, подобно идеямъ, оставляютъ по себѣ слѣды, которые, будучи часто повторяемы, организуются въ этомъ центрѣ; такъ что движенія, ихъ оставившія, могутъ производиться совершенно автоматически... Когда мы употребляемъ слова: слѣдъ, отпечатокъ, остатокъ,—то этимъ самымъ хотимъ выразить, что элементъ испыталъ какое-то вліяніе, которое продолжаетъ въ немъ существовать и заставляетъ его снова функціонировать въ извѣстномъ направленіи" *). Благодаря организаціи отпечатковъ послѣ періода, впродолженіи котораго всѣ движенія производятся неувѣренно, наступаетъ періодъ, когда они совершаются все съ большей легкостью,

*) Maudsley Phisiologie' de l'esprit, trad. Herzen. стр. 233 и 252.

точность движеній все время увеличивается, и затѣмъ они производятся автоматически.

Анализируя это постоянное проявленіе органической памяти, мы должны согласиться съ тѣмъ, что для подобнаго проявленія необходимы два указанныя нами условія.

Первое условіе заключается въ особенномъ измѣненіи, являющемся въ элементахъ нервной системы. Не будемъ долго говорить объ этомъ предметѣ, такъ какъ имъ занимались вполнѣ достаточно. Сначала поставимъ себѣ такой вопросъ: остается-ли навсегда на нервной нити слѣдъ отъ впервые полученнаго раздраженія? Конечно, это вопросъ спорный. Нѣкоторые считаютъ нервное волокно простымъ проводникомъ, вещество котораго, временно потерявшее равновѣсіе благодаря дѣйствію раздраженія, съ исчезновеніемъ этого послѣдняго, возвращается къ прежнему состоянію.

Однако трудно согласиться съ тѣмъ, что процессы эти не оставляютъ за собой никакихъ слѣдовъ, и сомнѣніе возникаетъ независимо отъ того, находимъ-ли мы, что раздраженіе передается по длинѣ нерва колебательными движеніями осевого цилиндра, или путемъ химическаго разложенія протоплазмы этого цилиндра. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ нѣкоторое основаніе считать нервную клѣтку элементомъ, который можетъ подвергаться измѣненіямъ, удерживать ихъ въ себѣ и реагировать ими. Вѣроятно, каждое впечатлѣніе оставляетъ отпечатки въ нервной клѣткѣ. Такимъ образомъ является „извѣстное обособленіе элемента, хотя у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній для того, чтобы видѣть различіе въ первый періодъ между этимъ элементомъ и однородными съ ними нервными клѣтками" (Маудсли, loc. cit. стр. 252). „Послѣ всякаго ощущенія остается слѣдъ, другими словами—молекулы, которые однажды перемѣнили свое положеніе и были принуждены колебаться иначе, чѣмъ прежде, больше уже не приходятъ въ первоначальное свое состояніе. Если мы слегка коснемся перомъ спокойной поверхности воды, то жидкость навсегда измѣнитъ свою форму; поверхность можетъ снова стать спокойной, но отдѣльные молекулы настолько перемѣнятъ свои мѣста, что если

бы мы могли проникнуть въ нихъ взоромъ, то непремѣнно замѣтили бы то дѣйствіе, которое произвело на жидкость прикосновеніе пера. Получившіе такимъ образомъ новое расположеніе, молекулы съ большей или меньшей энергіей стараются сохранить его. Но если это внѣшнее раздраженіе не повторится, то молекулы будутъ стремиться придти въ свое прежнее состояніе; совершенно же иное явленіе получается, когда молекулы подвергаются дѣйствію раздраженія неоднократно въ одномъ и томъ же направленіи. Въ такомъ случаѣ стремленіе молекулъ принять свой первоначальный видъ мало по малу ослабѣваетъ, и это новое состояніе будетъ все болѣе и болѣе соотвѣтствовать тѣмъ движеніямъ, которыя въ нихъ возбуждаются, пока наконецъ оно не станетъ для молекулъ естественнымъ, такъ что, будучи выведены изъ состоянія равновѣсія, онѣ стараются возвратиться къ своему новому положенію" *).

Невозможно сказать опредѣленно, въ чемъ заключается подобная модификація. Сущности этого процесса не могутъ узнать ни гистологія посредствомъ микроскопа, ни гистохимія посредствомъ разныхъ реактивовъ; но что такой процессъ существуетъ,—въ этомъ убѣждаютъ насъ и факты, и логика.

Второе условіе, т. е. образованіе ассоціацій между различными группами элементовъ, до сихъ поръ мало обращало на себя вниманіе изслѣдователей. Повидимому и современные ученые не видятъ въ этомъ процессѣ большого значенія. Между тѣмъ обстоятельство это есть неизбѣжный выводъ изъ положенія о локализаціи памяти.

Нѣкоторые изслѣдователи, судя по тѣмъ намекамъ, которые ими высказываются объ этомъ предметѣ, полагаютъ, что воспоминаніе, какъ органическое, такъ и сознательное, запечатлѣвается въ одной опредѣленной клѣткѣ, которая вмѣстѣ со своими нервными волокнами удерживаетъ извѣстное воспоминаніе и воспроизводитъ его. По моему мнѣнію, причиной такой иллюзіи служитъ неточность разговорнаго языка, кото-

*) Delboeuf, Theorie generale de la senisibilite, стр. 60.

рый даетъ понятіе о такихъ актахъ, какъ движеніе, воспріятіе, идея, образъ, чувство, какъ объ актахъ единичныхъ и законченныхъ. Размышленіе же убѣждаетъ насъ въ томъ, что каждая такая единица въ дѣйствительности состоитъ изъ множества разнородныхъ элементовъ, представляетъ изъ себя группу, ассоціацію, т. е. является не единствомъ, а множественностью. Обратимся къ прежнему примѣру, акту ходьбы. Этотъ актъ представляется очень сложнымъ рефлексомъ, первоначальное возникновеніе котораго можетъ быть замѣчено при каждомъ моментѣ соприкосновенія ноги съ землею.

Возьмемъ это движеніе въ его полномъ составѣ. Допустимъ, что исходнымъ пунктомъ его будетъ произвольный актъ. Тогда двигательный импульсъ, возникающій, по мнѣнію Феррье, въ области корковаго слоя, проникаетъ сквозь бѣлое вещество, достигаетъ полосатыхъ тѣлъ, идетъ далѣе по мозговымъ ножкамъ, Вароліеву мосту, продолговатому мозгу, затѣмъ переходитъ на другую сторону тѣла, спускается по передне-боковымъ столбамъ спинного мозга до поясничной области и наконецъ достигаетъ мышцъ по двигательнымъ волокнамъ. Затѣмъ происходитъ возвратъ импульса къ центрамъ по заднимъ столбамъ спинного мозга и его сѣрому веществу, по продолговатому мозгу, четверохолмію, зрительнымъ буграмъ и бѣлому веществу головного мозга до корковаго слоя. Теперь разсмотримъ то же движеніе въ его наиболѣе простой формѣ, носящей характеръ автоматизма. Въ данномъ случаѣ, путь рефлекса, какъ предполагаетъ существующая гипотеза, слѣдуетъ отъ периферіи къ центральнымъ узламъ, а затѣмъ опять возвращается къ периферіи, такъ что та часть головного мозга, которая лежитъ выше этого пути, вовсе не участвуетъ въ рефлексѣ.

Итакъ центральное распространеніе импульса при актѣ ходьбы, наблюдаемое нами только въ общихъ чертахъ, причемъ всѣ болѣе мелкія подробности ускользаютъ отъ насъ, — требуетъ дѣятельности большого числа нервныхъ элементовъ, совершенно различныхъ въ качественномъ отношеніи. Такъ, дѣйствующіе при

МБУК «ГЦ» ФОНД РЕДКИХ КНИГ
980579

этомъ двигательные и чувствительные нервы своимъ гистологическимъ строеніемъ различны отъ нервныхъ волоконъ спинного и головного мозга. Узловыя клѣточки различаются между собой по объему, формѣ (веретенообразныя, гигантскія, пирамидальныя и др.), по числу отростковъ и своему положенію въ различныхъ частяхъ цереброспинальной оси, такъ какъ онѣ занимаютъ все пространство отъ нижняго конца спинного мозга до корковыхъ слоевъ головного. Въ изслѣдуемомъ нами актѣ всѣ эти элементы имѣютъ опредѣленное значеніе. Если читатель воспользуется анатомическимъ атласомъ и нѣкоторыми гистологическими препаратами, то нѣсколько уяснитъ себѣ, какое безчисленное количество нервныхъ элементовъ приводятся въ дѣйствіе для того, чтобы сдѣлать какое-нибудь движеніе, а также слѣдовательно бываетъ и при запоминаніи и воспроизведеніи этого движенія.

Мы полагаемъ, что весьма необходимо отнестись со вниманіемъ къ слѣдующему обстоятельству: при органической памяти происходитъ не только модификація нервныхъ элементовъ, но и особенная группировка, ассоціація, возникающая спеціально для каждаго отдѣльнаго случая: эти динамическія ассоціаціи посредствомъ упражненія дѣлаются такими же устойчивыми, какъ и примитивныя анатомическія группы. Мы думаемъ, что основаніе памяти составляютъ не только тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ каждомъ элементѣ, но и самый способъ, посредствомъ котораго эти элементы группируются между собой.

Мы обращаемъ особенное вниманіе на это обстоятельство ввиду того значенія, какое оно имѣетъ. Прежде всего мы можемъ замѣтить, что наша гипотеза, разъясняющая неизбѣжное слѣдствіе предположенія о локализаціи памяти, очень упрощаетъ нашу задачу, хотя сразу можно подумать, что она ее затрудняетъ. Задавали вопросъ относительно того, имѣетъ-ли одна и та же нервная клѣтка способность удерживать нѣсколько различныхъ модификацій, или она послѣ образованія перваго отпечатка дѣлается поляризованной, т. е. не можетъ уже воспринимать дальнѣйшихъ модификацій. Конечно въ рѣшеніи такого вопроса все основывается

на догадкахъ. Можно предположить и то, что одна и та же клѣтка, если и обладаетъ свойствомъ удерживать нѣсколько модификацій, все же можетъ сохранять ихъ опредѣленное количество. Можно думать и то, что каждая клѣтка удерживаетъ только одинъ отпечатокъ. По вычисленію сдѣланному Мейнертомъ, число мозговыхъ клѣтокъ достигаетъ 600.000.000 (а Ліонель Биль насчитываетъ ихъ еще больше); поэтому нѣтъ ничего невозможнаго и въ гипотезѣ объ единичномъ отпечаткѣ. Для насъ этотъ вопросъ не представляетъ особенной важности; такъ какъ основываясь на гипотезѣ, менѣе всего опредѣляющей число и сложность организованныхъ воспоминаній, мы должны обратить вниманіе на то, что единичный отпечатокъ въ различныхъ комбинаціяхъ можетъ произвести разнообразные результаты. Надо принимать во вниманіе не одно только индивидуальное значеніе каждаго отдѣльнаго фактора, но также и ихъ отношеніе между собою и комбинаціи, являющіяся слѣдствіемъ этихъ отношеній. Клѣтку, подвергнутую измѣненіямъ, можно сравнить съ буквой азбуки; эта буква, остающаяся все одной и той же, помогаетъ образованію милліоновъ словъ въ живыхъ и мертвыхъ языкахъ. Такъ и небольшое число элементовъ при разнообразной группировкѣ производятъ самыя многочисленныя и сложныя комбинаціи.

Мы видимъ, что и въ актѣ ходьбы органическая память, лежащая въ основаніи этого акта, заключается въ особой модификаціи большого числа нервныхъ элементовъ. Но многіе изъ этихъ измѣненныхъ элементовъ могутъ быть пригодны и для другой цѣли, входить въ составъ другихъ комбинацій, быть частью другой памяти. Вторичныя автоматическія движенія, производимыя напримѣръ во время плаванія или пляски, являются слѣдствіемъ измѣненій тѣхъ же мускуловъ и сочлененій, посредствомъ которыхъ совершается и актъ ходьбы, и которыя уже зарегистрованы, т. е. имѣютъ извѣстные отпечатки въ нервныхъ элементахъ; такимъ образомъ новыя вторичныя автоматическія движенія имѣютъ дѣло съ организованной уже памятью, такъ что могутъ пользоваться нѣкоторыми ея элемен-

тами, заставляя ихъ войти въ новую группировку и образовать тѣмъ самымъ новую память.

Замѣтимъ, что устойчивость и живучесть нервныхъ клѣточекъ и волоконъ обусловливается требованіемъ ихъ въ большомъ количествѣ для сохраненія и воспроизведенія всякаго, даже самаго простого движенія; благодаря количеству этихъ элементовъ и ихъ солидарности живость возбужденія постоянно увеличивается, потому что всякій дѣйствующій элементъ побуждаетъ къ дѣйствію и всѣ остальные, съ нимъ соединенные.

Наконецъ наша гипотеза согласуется съ слѣдующими двумя фактами, заимствованными изъ области повседневнаго наблюденія:

1) Пріобрѣтенное движеніе, вполнѣ усвоенное организмомъ, съ величайшимъ трудомъ можетъ быть замѣнено другимъ, имѣющимъ почти ту же локализацію, но отличающимся инымъ механизмомъ памяти. Въ данномъ случаѣ прежняя ассоціація элементовъ должна быть разрушена и установлена вмѣсто нея новая ассоціація, образовавшаяся посредствомъ уничтоженія старыхъ связей и возникновенія новыхъ.

2) Иногда бываетъ, что мы помимо воли вмѣсто одного привычнаго движенія дѣлаемъ другое, не менѣе привычное; это можно объяснить только тѣмъ, что одни и тѣ же элементы состоятъ въ различныхъ комбинаціяхъ другъ къ другу и потому могутъ передавать возбужденіе въ какомъ угодно направленіи; иногда можетъ быть достаточно самыхъ незначительныхъ причинъ для того, чтобы начала дѣйствовать другая группа нервовъ, отъ чего результатъ получается совсѣмъ не тотъ, какого мы хотѣли. Такимъ образомъ мы объясняемъ себѣ фактъ, передаваемый Льюисомъ (Loc. cit., стр. 128). „Однажды разсказывая о моемъ посѣщеніи больныхъ въ лѣчебницѣ для эпилептиковъ и желая назвать имя моего друга, д-ра Бастіана, бывшаго со мною, я сперва вмѣсто него назвалъ д-ра Бринтона, затѣмъ д-ра Бриджа, и только послѣ того сказалъ вѣрно: д-ръ Бастіанъ. Я не смѣшивалъ этихъ трехъ лицъ, а просто неправильно приспособлялъ группы мышцъ, необходимыя для произ-

несенія этого имени. Одинъ только общій всѣмъ тремъ группамъ элементъ, именно буква Б., былъ способенъ воспроизвести всѣ три фамиліи". Объясненіе это можно считать совершенно справедливымъ, и съ своей стороны мы можемъ привести подобный же примѣръ, который говоритъ въ пользу нашего тезиса: „всѣ мы знаемъ, что часто, желая вспомнить какое-нибудь имя, мы начинаемъ угадывать, съ какой буквы оно начинается, и если отгадаемъ эту букву, то въ концѣ концовъ воспроизводимъ всю группу необходимыхъ элементовъ и правильно называемъ имя, причемъ вовсе не обязательно, чтобы начальная буква даннаго имени всегда ясно являлась въ нашемъ сознаніи". Подобные случаи мы можемъ замѣтить также во время хорошо знакомыхъ движеній, необходимыхъ для письма. Когда мнѣ надо писать очень скоро въ то время, какъ голова занята чѣмъ-нибудь другимъ, то я невольно дѣлаю незначительныя ошибки, легко поправимыя и также легко забываемыя; поэтому я, чтобы не забыть ихъ, принужденъ былъ записать нѣкоторыя. Такъ, напримѣръ, желая однажды написать „ne pas faire une part", я написалъ „ne part faire", въ другой разъ вмѣсто „doit de bonnes" я написалъ „donne" и т. п. Ясно, что въ обоихъ случаяхъ—буква Р въ первомъ и буква Д во второмъ (буквой я обозначаю то психофизіологическое состояніе, которое является основаніемъ представленія о буквѣ и ея графическомъ воспроизведеніи)—вмѣсто одной группы возбудили другую, причемъ ошибка здѣсь была тѣмъ болѣе возможна, что остатки группъ onne, art были уже возбуждены въ сознаніи. Я увѣренъ, что каждый изъ нашихъ читателей, наблюдая надъ самимъ собой, замѣтитъ, что и съ нимъ подобные случаи бываютъ очень часто.

Всѣ приведенныя нами соображенія представляютъ изъ себя гипотезу, которая впрочемъ вовсе не противорѣчитъ ни научнымъ даннымъ, ни фактамъ. Посредствомъ этой гипотезы мы легко уяснимъ себѣ главныя основы органической памяти и пріобрѣтенныхъ движеній, образующихъ память различныхъ органовъ нашего тѣла: рукъ, глазъ, ногъ и пр. Эти основы вовсе не представляютъ изъ себя какихъ-нибудь механиче-

скихъ отмѣтокъ на элементахъ, вродѣ „отпечатковъ“ или „слѣдовъ“, неизвѣстно, гдѣ сохраняющихся. Конечно, все это не болѣе, какъ метафоры въ физическомъ смыслѣ, и думать объ этомъ какъ-нибудь иначе было бы неумѣстно. Память есть фактъ біологическій. Блестящая память вовсе не представляетъ изъ себя коллекціи всевозможныхъ отпечатковъ, а состоитъ изъ подвижныхъ группъ элементовъ, динамическихъ ассоціацій, обладающихъ способностью быстро нереходить въ дѣятельное состояніе.

II. Память сознательная (психическая). Условія сознанія: сила, продолжительность. Безсознательная мозговая работа.

Теперь мы приступимъ къ изслѣдованію болѣе сложной формы памяти, памяти сознательной; въ обыкновенныхъ разговорахъ и даже въ психологическихъ трактатахъ интересуются только этой формой, считая ее одну истинной памятью. Узнаемъ, насколько все сказанное нами относительно органической памяти касается памяти сознательной, и какую роль въ этой памяти играетъ сознаніе.

Переходя отъ простого къ сложному, отъ низшаго къ высшему, отъ стойкой формы памяти къ неустойчивой, мы необходимо должны рѣшить вопросъ объ отношеніяхъ безсознательнаго къ сознательному. Вопросъ этотъ полонъ естественныхъ затрудненій и искусственнаго мистицизма, такъ что сказать о немъ что-либо положительное и ясное очень трудно. Но мы попытаемся.

Мы не будемъ, конечно, заниматься метафизикой безсознательнаго въ смыслѣ Гартмана и другихъ философовъ. Начнемъ прямо признаніемъ, что рѣшительно не можемъ выяснить себѣ переходъ безсознательнаго къ сознательному. На счетъ этого можно строить болѣе или менѣе остроумныя гипотезы, и ничего больше. Кромѣ того надо замѣтить и то, что психологія, какъ наука о фактахъ, вовсе не должна заниматься подобными вопросами. Она изучаетъ состоянія сознанія, какъ готовые факты, не обращая вниманія на

условія, при которыхъ являются эти состоянія. Все, что дѣлаетъ она въ этомъ отношеніи, это выясняетъ отчасти условія, при которыхъ существуютъ данные факты.

Первое изъ этихъ условій состоитъ въ томъ способѣ дѣятельности нервной системы, который физіологи называютъ освобожденіемъ или разряженіемъ нервной энергіи. Большая часть нервныхъ состояній не бываетъ сознательна, или сознаніе является только изрѣдка и косвеннымъ образомъ, напр. возбужденія и импульсы, исходящіе изъ сферы симпатической нервной системы; нормальная дѣятельность сосудодвигательныхъ нервовъ; большая часть рефлексовъ и пр. Часть этихъ состояній сопровождается сознаніемъ только по временамъ: или же, сознательная въ первомъ періодѣ жизни, впослѣдствіи дѣлаются безсознательными (напр. вторичныя автоматическія движенія, о которыхъ мы уже говорили). Область нервной дѣятельности гораздо больше области психической дѣятельности: при всякомъ психическомъ актѣ совершается нервная дѣятельность, но не наоборотъ. Между тою нервною дѣятельностью, которая почти никогда не сопутствуется сознаніемъ, и, тою, которая почти всегда бываетъ сознательной, есть третья, переходная форма дѣятельности, при которой сознаніе является временами. Безсознательное слѣдуетъ изучить именно на этой третьей группѣ фактовъ.

Прежде чѣмъ болѣе основательно заняться этимъ предметомъ, назовемъ еще два условія существованія сознанія: интенсивность и продолжительность нервной дѣятельности.

1) Интенсивность имѣетъ разнообразный характеръ. Состоянія нашего сознанія постоянно находятся въ борьбѣ между собою за преобладаніе, и побѣда можетъ столько же зависѣть отъ силы побѣдителя, сколько и отъ слабости его противниковъ. Намъ извѣстно—это обстоятельство вполнѣ выяснено школой Гербарта—что даже самое живое возбужденіе мало по малу ослабѣваетъ до того, что скрывается „за рубежемъ сознанія", т. е. дѣлается безсознательнымъ въ силу того, что исчезаетъ одно изъ условій его существованія. Мы

вполнѣ имѣемъ основаніе утверждать, что сознаніе имѣетъ различныя ступени; самыми слабыми его проявленіями можно считать тѣ, которыя Маудсли называетъ полусознательными; при всемъ томъ мы не можемъ отрицать, что это постепенное уменьшеніе проявленій сознанія все же имѣетъ нѣкоторый предѣлъ, который отъ насъ ускользаетъ!

2) Вопросомъ о продолжительности состояній нервной дѣятельности, какъ о необходимомъ элементѣ сознанія, ученые занимались мало. Между тѣмъ онъ имѣетъ большое значеніе. При изученіи его мы можемъ не выходить изъ круга точныхъ наблюденій. Благодаря изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ послѣднія 30 лѣтъ, узнано время, требуемое для различныхъ сознательныхъ воспріятій (для звука—0″,16—0″,14; для осязанія—0″,21—0″,18; для свѣта—0″,20—0″,22; для наиболѣе простой психической работы—различенія предметовъ—подходящей къ рефлексу—0″,02—0″,4). Хотя у различныхъ экспериментаторовъ получались различные результаты, смотря по субъектамъ, надъ которыми производились опыты, и, смотря по обстоятельствамъ и характеру изслѣдуемыхъ психическихъ актовъ,—все-таки установлено, что всякій психическій актъ долженъ имѣть извѣстный, опредѣлимый промежутокъ времени и, что кажущаяся быстрота мысли есть ничто иное, какъ метафора. Когда мы установимъ этотъ фактъ, то можемъ утверждать, что всякая нервная дѣятельность, продолжительность которой меньше времени, необходимаго для образованія психическаго акта, не можетъ быть сознательной. Съ этой точки зрѣнія интересно сопоставить нервный сознательный актъ съ чистымъ рефлексомъ. Согласно изслѣдованіямъ Экснера *) физіологическое время, нужное для рефлекса, равно отъ 0″,0662 до 0″,0578, что составляетъ гораздо меньше, чѣмъ то время, какое нами выше указано для разныхъ воспріятій. Если, какъ говоритъ Гербертъ Спенсеръ, крыло мошки дѣлаетъ въ секун-

*) Pflüger's Archiv VIII (1874), стр. 562. Продолжительность рефлексовъ зависитъ отъ силы раздраженія и отъ того, идетъ ли оно по продольному или поперечному направленію спиннаго мозга. Впрочемъ, вопросъ этотъ далеко еще не выясненъ.

ду *) отъ 10 до 15 тысячъ колебаній, причемъ каждое колебаніе соотвѣтствуетъ отдѣльному нервному акту, то мы должны согласиться съ тѣмъ, что скорость этого акта необыкновенно мала, и нервное состояніе, сопутствуемое сознаніемъ, является, сравнительно съ указаннымъ выше состояніемъ, безконечно продолжительнымъ. Изъ всего этого можно вывести, что всякое состояніе, сопровождаемое сознаніемъ, всегда имѣетъ извѣстную продолжительность, и какъ только продолжительность нервнаго процесса падаетъ ниже опредѣленнаго минимума **), то исчезаетъ важное условіе сознательности даннаго акта.

Ограничимся сказаннымъ и резюмируемъ его. Вопросъ о безсознательномъ сильно запутанъ, не выясненъ и загроможденъ противорѣчіями,—и это является слѣдствіемъ его неправильной постановки. Если сознаніе изучать, какъ особую сущность, основное свойство души, то вопросъ теряетъ ясность; если же смотрѣть на него, какъ на явленіе, которое существуетъ только при извѣстныхъ условіяхъ, то дѣло становится яснымъ, и безсознательное перестаетъ казаться чѣмъ-то таинственнымъ. Не слѣдуетъ забывать, что процессъ сознанія весьма сложенъ и прежде всего требуетъ извѣстнаго состоянія нервной системы; что это состояніе не составляетъ здѣсь какого-либо побочнаго явленія, а есть необходимая часть его, его основаніе и обязательное условіе; что какъ только наступило это состояніе, явленіе уже существуетъ въ самомъ себѣ, а когда къ нему присоединилось сознаніе, оно начинаетъ сущест-

*) Principes de psychologie 1,220. По изслѣдованію Марея, крыло мухи производитъ въ секунду только 330 колебаній. Но и подобное разногласіе не должно измѣнять значенія нашего разсужденія.

**) Нѣкоторые факты нашей умственной жизни могутъ получить иное освѣщеніе при помощи изслѣдованій продолжительности психическихъ актовъ. По моему мнѣнію, эти изслѣдованія выясняютъ то, какимъ образомъ сознательное дѣлается безсознательнымъ въ силу привычки. Первоначально всякій актъ выполняется медленно и сопровождается сознаніемъ; затѣмъ упражненіе дѣлаетъ его болѣе легкимъ и быстрымъ, такъ что нервный процессъ, производящій его, совершается все скорѣе и скорѣе, находя уже готовые пути и продолжительность его дѣлается меньше минимума, при которомъ еще участвуетъ сознаніе.

вовать и для самого себя; что слѣдовательно сознаніе дополняетъ явленіе, завершаетъ его, но не составляетъ его условія. Когда есть одно изъ условій сознанія,—необходимая напряженность или продолжительность нервнаго состоянія, или какое-нибудь другое, неизвѣстное намъ условіе,—то одна часть явленія, сознаніе, исчезаетъ, другая – нервный процессъ—остается. Такимъ образомъ отъ всего явленія остается только чисто органическая фаза. Поэтому нѣтъ ничего страннаго, если впослѣдствіи явятся результаты подобной мозговой работы; вѣдь она все же происходила, хотя и не выказывала себя вовсе.

Разсуждая такимъ образомъ, мы уничтожаемъ мистическій характеръ безсознательной дѣятельности и такихъ явленій, которыя въ дѣйствительности объясняются просто, какъ напр., внезапныя воспоминанія, повидимому не имѣющія подходящаго сочетанія воспріятія для своего возникновенія; внезапное припоминаніе школьникомъ прочитаннаго наканунѣ урока; неожиданное р шеніе задачи, долго не дававшееся; поэтическія, научныя и механическія изобрѣтенія; тайныя симпатіи и антипатіи и проч. и проч. Безсознательная церебрація (мозговая работа) происходитъ незамѣтно и вноситъ порядокъ въ смутныя, колеблющіяся идеи. Карпентеръ разсказываетъ слѣдующій интересный случай, когда человѣкъ самъ смутно чувствовалъ ту работу, которая происходила въ его мозгу, не доходя до степени яснаго сознанія: „Одинъ Бостонскій адвокатъ говорилъ мнѣ, что онъ на цѣлую недѣлю оставилъ одно важное дѣло, чувствуя, что оно выше его силъ. Но въ то же самое время онъ сознавалъ, что въ его мозгу происходитъ какая-то работа, и чрезвычайно тягостная, такъ что онъ начиналъ опасаться, не предвѣщаетъ ли это параличъ или что нибудь подобное; по прошествіи нѣсколькихъ часовъ этого мучительнаго состоянія тревога утихла, и затруднившее его дѣло явилось въ совершенно ясномъ свѣтѣ: очевидно, что этому способствовала та самая непонятная, тревожная дѣятельность, которая въ немъ только что совершилась *).

*) Carpenter. Mental Phisiology, стр. 533. Вся XIII глава при-

Резюмируя все сказанное, мы должны представить себѣ, что въ нервной системѣ безпрерывно совершаются въ различныхъ мѣстахъ освобожденія живыхъ силъ, разряженія. Нѣкоторые изъ этихъ нервныхъ актовъ соотвѣтствуютъ непрерывному ритму жизненныхъ функцій; другіе, количество которыхъ меньше,—проявленію сознательныхъ состояній; наконецъ третьи, которыхъ всего больше,—безсознательной дѣятельности мозга. Изъ 600 милліоновъ (или 1.200 милліоновъ) клѣточекъ и 4 или 5 милліардовъ нервныхъ волоконъ, исключая изъ этого числа тѣ элементы, которые находятся въ состояніи покоя или бездѣйствуютъ втеченіи всей своей жизни,—всегда составится прекрасный контингентъ дѣятельныхъ элементовъ. Мозгъ можно сравнить съ лабораторіей, въ которой разомъ совершается тысяча самыхъ разнообразныхъ работъ. Безсознательная мозговая дѣятельность, не подчиняющаяся условіямъ времени и происходящая какъ-бы только въ пространствѣ, можетъ совершаться разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Сознаніе же подобно узенькой двери, позволяетъ проникать до насъ только не большой части этой работы.

Итакъ мы знаемъ, въ чемъ заключается отношеніе сознательнаго къ безсознательному; благодаря этому, становится ясно и отношеніе психической памяти къ памяти органической; первая составляетъ только частный случай второй. Можно сказать, что все относящееся къ физіологической памяти, будетъ относиться и къ сознательной памяти; въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ еще одинъ лишній факторъ. Но возвра-

---

водитъ много любопытныхъ фактовъ, относящихся къ безсознательной церебраціи. Одинъ математикъ, другъ автора, дѣлалъ геометрическую задачу, рѣшеніе которой вертѣлось у него на умѣ. Онъ нѣсколько разъ пытался уловить его. Черезъ нѣсколько лѣтъ это рѣшеніе такъ внезапно представилось его уму, „что невольная дрожь охватила его, и показалось, что кто-то другой сказалъ ему его тайну“ (стр. 536). Надо прочесть прекрасный этюдъ сэра Вилльяма Гамильтона „о скрытномъ состояніи, чтобы представить себѣ ошибки, которыя дѣлаетъ сильный и проницательный умъ при дурномъ методѣ изслѣдованія“ Lectures on metaphysics, I, lect. XVIII). Признавая теорію объ отдѣльныхъ способностяхъ души и умышленно игнорируя физіологію, Гамильтонъ не съумѣлъ побороть ни одного затрудненія.

тимся къ тому же вопросу, чтобы изслѣдовать его болѣе подробно.

Намъ надо еще разсмотрѣть слѣды и ихъ группировку.

I. Въ прежнихъ теоріяхъ память изучалась только съ психологической точки зрѣнія и основой явленія считались „слѣды", „отпечатки" или „остатки", причемъ самые термины употреблялись различными изслѣдователями въ различномъ смыслѣ и часто служили поводомъ къ недоразумѣніямъ. Иногда подобными именами обозначалися матеріальные отпечатки въ мозгу, иногда же—скрытыя измѣненія, остающіяся въ „душѣ". Тѣ ученые, которые держались послѣдняго мнѣнія, еще оставались на почвѣ логики. Но такое положеніе, даже имѣя за себя много сторонниковъ изъ числа ученыхъ, игнорирующихъ физіологію, не можетъ держаться долго. Состояніе безсознательнаго сознанія, представленія, которое уже не есть больше представленіе, это—чистѣйшая flatus vocis. Если мы отъ какого-нибудь предмета отнимемъ то, что обусловливаетъ его реальность, то этимъ самымъ дѣлаемъ его только возможнымъ: точно также, если условія его существованія возстановятся, то возстановится и самое существованіе; все это снова доказываетъ приведенное уже нами положеніе о безсознательномъ.

Вопросъ о „психологическихъ остаткахъ" уже предрѣшенъ у насъ: если нервная дѣятельность составляетъ одинъ изъ интегрирующихъ элементовъ всякаго состоянія сознанія, и если нервные центры этой дѣятельности все время измѣняются, то въ нихъ естественно сохраняются остатки всѣхъ состояній сознанія. На это, разумѣется, можно сказать, что состояніе сознанія, кромѣ нервной дѣятельности, требуетъ чего-то еще. Но вѣдь это нисколько не измѣняетъ дѣла. Если для возникновенія этого условія достаточно того, чтобы первоначальное нервное состояніе соотвѣтствовало воспріятію, то для существованія его довольно, чтобы вторичное нервное состояніе соотвѣтствовало воспоминанію. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ обстоятельства одни и тѣ же, и разгадать это затрудненіе,

если это представляется возможнымъ, должна теорія воспріятія, а не теорія памяти.

Будемъ называть вмѣстѣ съ Вундтомъ этотъ психофизіологическій „остатокъ" расположеніемъ и посмотримъ, въ чемъ состоитъ его отличіе отъ „отпечатка". Сравненія, взятыя изъ области физіологіи, всего лучше опредѣляютъ намъ это различіе. Глазъ, который испыталъ дѣйствіе сильнаго свѣта, сохраняетъ впечатлѣніе въ формѣ послѣдовательнаго образа. Глазъ, ежедневно измѣряющій и сравнивающій различныя разстоянія, привыкаетъ опредѣлять ихъ все болѣе и болѣе точно. Послѣдовательный образъ есть отпечатокъ, аккомодація же его, его способность измѣрять, является функціональнымъ расположеніемъ. Очень можетъ быть, что глазъ, мало упражнявшійся, имѣетъ такую же сѣтчатку и такіе же мускулы, какъ и глазъ, много упражнявшійся; разница должна заключаться въ томъ, что этотъ послѣдній имѣетъ гораздо болѣе рѣзко выраженное расположеніе сравнительно съ первымъ. На это можно возразить, что на физіологическую привычку органовъ не такъ вліяютъ различныя перемѣны въ ихъ собственномъ состояніи, какъ отпечатки, остающіеся въ нервныхъ центрахъ этихъ органовъ. Тѣмъ не менѣе физіологическія изслѣдованія, касающіяся привычки, приспособленія къ извѣстнымъ условіямъ и пр., разъясняютъ, что въ отпечаткахъ главную роль играетъ функціональное расположеніе *).

II. Эти соображенія разъясняютъ одно обстоятельство, которое намъ кажется очень важнымъ: динамическія ассоціаціи нервныхъ элементовъ имѣютъ еще больше значенія въ сознательной памяти, чѣмъ въ органической. Мы могли бы теперь повторить сказанное уже нами, но этотъ вопросъ въ такой формѣ было слишкомъ мало изученъ, а потому попробуемъ его изслѣдовать его съ новой точки зрѣнія.

Сознаніе каждаго изъ насъ сохраняетъ нѣкоторое количество воспоминаній; образцы людей, животныхъ, городовъ, деревень, свѣдѣнія научныя, историческія, лингвистическія и пр. Всѣ эти воспоминанія представ-

*) Grundzüge der phisiologischen Psychologie, стр. 791.

ляютъ болѣе или менѣе длинные ряды. Происхожденіе этихъ рядовъ прекрасно объяснено законами ассоціаціи между различными состояніями сознанія, такъ что къ этому намъ совершенно нечего прибавить. Въ этомъ вопросѣ главный интересъ для насъ заключается не въ самихъ рядахъ, а въ ихъ границахъ. Для этого мы постараемся на примѣрахъ изучить простѣйшія, на первый взглядъ состоянія сознанія, чтобы показать, насколько они сложны въ дѣйствительности.

Возьмемъ одинъ изъ такихъ примѣровъ: память о яблокѣ. Если мы находимъ правильнымъ приговоръ нашего сознанія, то должны утверждать, что фактъ этотъ чрезвычайно простъ. Физіологія же доказываетъ намъ, что такой приговоръ заключаетъ въ себѣ иллюзію. Воспоминаніе о яблокѣ представляетъ ослабленную форму воспріятія яблока. Что влечетъ за собой это воспріятіе? Измѣненіе сѣтчатки, т. е. нервнаго концевого снаряда очень сложной формы, затѣмъ передачу возбужденія по зрительному нерву до четверохолмія, отсюда къ мозговымъ узламъ (зрительный бугоръ?), наконецъ по бѣлому веществу въ корковый слой (въ область кривой складки по Феррье). Все это требуетъ дѣятельности многихъ различныхъ элементовъ, расположенныхъ по такому длинному пути. И это не все. Дѣло касается не одного только цвѣтового ощущенія. Видимъ ли мы предъ собой яблоко, или только воображаемъ его себѣ — оно одинаково представляется намъ твердымъ тѣломъ сферической формы. Такое сужденіе является слѣдствіемъ необыкновенной тонкости мышечной чувствительности и движеній зрительнаго аппарата. Движенію же глазного яблока способствуютъ нѣсколько нервовъ: отводящій, общій первъ глазныхъ мышцъ и блоковый. Каждый изъ нихъ заканчивается въ извѣстномъ пунктѣ продолговатаго мозга, соединенномъ длиннымъ путемъ съ корковымъ слоемъ мозга, гдѣ получаются такъ называемыя, по Маудсли, двигательныя воззрѣнія. Мы говоримъ только въ общихъ чертахъ, различныя же частности можно найти въ каждомъ сочиненіи по анатоміи и физіологіи. Тогда мы убѣдимся въ существованіи громаднаго числа нервныхъ волоконъ и клѣтокъ, разсыпанныхъ въ видѣ

островковъ и архипелаговъ въ разныхъ частяхъ церебро-спинальной оси и являющихся главнымъ факторомъ въ изслѣдуемомъ нами психическомъ состояніи— памяти о яблокѣ, — которое мы обыкновенно принимаемъ за явленіе простой, благодаря двойной иллюзіи, получаемой отъ сознанія и разговорнаго языка.

Намъ могутъ сказать, что всѣ зрительныя воспріятія отличаются сложностью и слишкомъ свидѣтельствуютъ въ пользу нашего положенія. Возьмемъ для примѣра память какого-нибудь слова. Если взять написанное слово, то это будетъ, подобно предъидущему, зрительная память. Если же взять произнесенное слово, то здѣсь сложность явленія нисколько не уменьшится. Въ членораздѣльной рѣчи должны участвовать гортань, глотка, ротъ и носъ, а значитъ и многіе нервы, которыхъ центры находятся въ продолговатомъ мозгу: блуждающій, лицевой, подъязычный и пр. Если мы будемъ придавать значеніе при этомъ также и слуховымъ впечатлѣніямъ, то сложность еще болѣе увеличится. Наконецъ центры продолговатаго мозга соединяются съ извилиной Брока и съ областью insula, принимаемыми обыкновенно за психическіе центры рѣчи. Слѣдовательно и этотъ случай ни по существу, ни по сложности не составляетъ разницы съ предъидущимъ, и память каждаго слова находится всегда въ зависимости отъ извѣстной ассоціаціи большого количества элементовъ *).

Изъ приведенныхъ нами примѣровъ и изъ всего сказаннаго выясняется значеніе ассоціацій, которыя я называю динамическими основами памяти, а измѣненія, происходящія въ элементахъ,— ея статическими основами. Намъ могутъ сказать, что есть гораздо болѣе простые примѣры, чѣмъ взятые нами. Это будетъ вѣрно, но мы этимъ заниматься не станемъ. Память сохраняетъ и воспроизводитъ конкретныя реальныя

*) Forbes Winslow (On the obscure Diseases of the Brain and Disorders of the Mind, стр. 257, 4 изданіе) разсказываетъ объ одномъ солдатѣ, вслѣдствіе трепанаціи утратившемъ часть мозгового вещества. Замѣтили однажды, что онъ забылъ только слова—пять и семь; черезъ нѣсколько времени онъ вспомнилъ эти числа.

состоянія сознанія; вотъ почему мы должны изучать ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ дѣйствительности, и выбирать примѣры изъ этой группы фактовъ. Пусть анализъ физіологическій и анализъ идеологическій, каждый по своему, разсматриваютъ конечные элементы явленія; это можетъ быть полезно, если мы хотимъ опредѣлить условія, при которыхъ возникаютъ извѣстныя состоянія сознанія,—но для насъ эти состоянія интересны уже въ законченномъ, готовомъ видѣ.

Когда мы только-что начинаемъ говорить, то произносимъ всего нѣсколько простыхъ словъ. Долго мы не имѣемъ никакого понятія о томъ, что эти простыя слова состоятъ изъ еще болѣе простыхъ элементовъ; многіе же не узнаютъ этого во всю жизнь. Въ сознаніи, являющемся нашей внутренней рѣчью, мы видимъ то же самое. То, что просто для сознанія, сложно для анализа. Но внѣ всякаго сомнѣнія то, что для сохраненія и воспроизведенія этихъ простыхъ состояній, представляющихъ какъ-бы азбуку сознанія, необходимы нѣкоторыя сложныя нервныя состоянія. Факты, приведенные нами относительно буквъ и слоговъ, могутъ служить подтвержденіемъ этого. Можемъ привести еще одинъ интересный примѣръ: „Одинъ хорошо образованный человѣкъ, говоритъ Форбесъ Винсловъ, послѣ приступовъ острой лихорадки всегда забывалъ букву F“ *).

Слѣдовательно, чтобы выразить понятіе о хорошей памяти физіологическими терминами, мы должны представить себѣ огромное количество нервныхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый измѣняется особеннымъ образомъ, каждый составляетъ часть извѣстной ассоціаціи и можетъ войти въ соединеніе съ другими ассоціаціями, а каждая изъ послѣднихъ обусловливаетъ существованіе различныхъ состояній сознанія. Итакъ, память имѣетъ основы статическія и динамическія. Сила памяти находится въ прямой зависимости отъ количества и устойчивости этихъ основъ.

*) Тамъ же, стр. 258. Къ сожалѣнію, авторъ не говоритъ, забывалъ ли этотъ больной произношеніе буквы или ея изображеніе на письмѣ, или и то, и другое; не сообщаетъ также, поправился ли онъ.

III. Свойства сознательной памяти. Локализація въ прошломъ или узнаваніе. Механизмъ этой операціи. Память какъ видѣніе во времени. Забываніе.

Будемъ теперь изучать свойства психической памяти, т. е. то, что принадлежитъ ей одной, и что не измѣняя ея сущности и органическихъ условій, дѣлаетъ ее наиболѣе сложной, высокой и въ то же время наиболѣе легко измѣняющейся. Отличительнымъ свойствомъ психической памяти служитъ то, что на школьномъ языкѣ называется „узнаваніемъ". Я называю его „локализаціей во времени", потому что этотъ терминъ не предполагаетъ никакой гипотезы и служитъ только выраженіемъ фактовъ.

Мало найдется вопросовъ, которые были бы запутаны до такой степени, благодаря теоріи о „способностяхъ души". Поэтому мы думаемъ, что не будетъ лишнимъ разъяснить въ немногихъ словахъ, какимъ образомъ долженъ бы быть поставленъ и разрѣшаемъ этотъ вопросъ согласно нашему мнѣнію.

Локализація во времени (напр. припоминаніе о томъ, что извѣстный случай былъ съ нами въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ) вовсе не представляетъ собой примитивнаго акта, такъ какъ кромѣ главнаго состоянія сознанія она предполагаетъ еще и вторичныя, измѣнчивыя по числу и степени. По нашему мнѣнію, локализація во времени лучше всего выясняется механизмомъ видѣнія предметовъ.

Первичныя зрительныя воспріятія въ наукѣ стали отличать отъ пріобрѣтенныхъ со временъ Берклея. Первичнымъ воспріятіемъ принято обыкновенно называть воспріятіе цвѣтной поверхности, а вторичными— воспріятія направленія, разстоянія, формы предметовъ и пр.; первичное воспріятіе, согласно существующему убѣжденію, главнымъ образомъ зависитъ отъ чувствительности сѣтчатки; а вторичныя воспріятія — отъ мышечной чувствительности глаза; благодаря привычкѣ, первичное съ пріобрѣтеннымъ такъ тѣсно связаны, что сначала мы представляемъ себѣ, что всегда имѣемъ простой, непосредственный актъ видѣнія—но анализъ,

опыты и патологическіе факты показываютъ обратное. То же относится и къ памяти. Первичное состояніе сознанія вначалѣ является намъ только существующимъ фактомъ; вторичныя же состоянія тѣ, которыя присоединяются послѣ и опредѣляютъ взаимныя отношенія между понятіями и въ сужденіяхъ локализуютъ этотъ фактъ во времени, такъ что память можно назвать актомъ видѣнія во времени.

Мы разсмотрѣли этотъ вопросъ въ общихъ чертахъ, потому что имѣемъ въ виду разъяснить его лучше, къ чему теперь и приступимъ.

Теоретическое объясненіе локализаціи во времени основано на законѣ, открытомъ Дюгальдомъ Стюартомъ и разработанномъ Тэномъ: «Акты воображенія всегда сопровождаются вѣрованіемъ (хотя бы мгновеннымъ) въ реальное существованіе воображаемаго объекта»*). Вѣрованіе это наиболѣе сильно въ галлюцинаціи, головокруженіи и сонныхъ грезахъ (благодаря тому, что при этомъ не бываетъ реальныхъ корригирующихъ воспріятій), но оно существуетъ и во всѣхъ другихъ состояніяхъ сознанія, хотя въ меньшей степени. Я не стану говорить здѣсь о механизмѣ, помогающемъ сознанію отвлекаться отъ объективной реальности и доходить до чисто внутренняго воспріятія. Желающимъ лучше познакомиться съ этимъ вопросомъ я рекомендую сочиненіе Тэна **).

Во всякомъ случаѣ здѣсь дѣло идетъ не о воспоминаніи. До тѣхъ поръ, пока какой-нибудь образъ, какого угодно содержанія (образъ-ли это дома, какое-нибудь механическое изобрѣтеніе или чувствованіе) остается изолированнымъ и какъ-бы плавающимъ въ сознаніи, не имѣетъ ничего общаго съ другими его состояніями, мѣста которыхъ у насъ опредѣлены,—до тѣхъ поръ мы видимъ предъ собою только дѣйствительное состояніе сознанія. Нѣкоторые же изъ этихъ образы имѣютъ способность, едва достигнувъ сознанія

*) Dugald Stewart, Philosophie de l'esprit humain. trad. Peisse. т. 1, стр. 177.—Taine, De l'intelligence, I часть, кн. 11, гл. 1, § 3. Въ этомъ трудѣ есть собраніе фактовъ, которые не позволяютъ сомнѣваться въ этомъ обстоятельствѣ.

**) De l'intelligence, особенно 2 часть, кн. 1, гл. II.

расходиться по различнымъ направленіямъ и возбуждать такія состоянія въ сознаніи, которыя соединяютъ эти образы съ настоящимъ, и посредствомъ которыхъ они кажутся намъ составною частью болѣе или менѣе длиннаго ряда представленій, завершающагося даннымъ моментомъ, или иначе, — эти образы тотчасъ же локализируются во времени.

Я не буду касаться вопросовъ о томъ, становится-ли для насъ возможною идея о времени при помощи памяти, или обратно сама память является благодаря идеи, составляетъ-ли время форму мышленія апріористическую, или же такую, которая объясняется эмпирическими условіями происхожденія. Этими вопросами занимается критика чистаго разума, а не опытная психологія, которая не имѣетъ возможности пускаться въ критическія и онтологическія пренія. Основываясь на фактахъ, она констатируетъ, что какъ время предполагаетъ память, такъ память предполагаетъ время: этого и довольно. Затѣмъ разберемъ вопросъ, какимъ образомъ происходитъ локализація во времени?

Съ теоретической точки зрѣнія, для образованія этой локализаціи существуетъ только единственный возможный путь; мы опредѣляемъ положенія вещей во времени,—точно также, какъ и ихъ положенія въ пространствѣ,—относительно какого-нибудь хорошо извѣстнаго, строго опредѣленнаго пункта, какимъ для времени является состояніе нашего самосознанія въ данную минуту. Замѣтимъ, что это состояніе есть состояніе реальное, которое отличается извѣстной продолжительностью. Какъ бы непродолжительно оно ни было, во всякомъ случаѣ это не простая вспышка, ничто, абстракція, вродѣ математической точки, какъ можно было бы предполагать, основываясь на разговорныхъ метафорахъ, — напротивъ, оно имѣетъ свое начало и конецъ. Начало его не кажется намъ чѣмъ то абсолютнымъ, но всегда встрѣчается и составляетъ одно неразрывное цѣлое съ чѣмъ-нибудь предъидущимъ. Если мы читаемъ (или слышимъ) какую-нибудь фразу, то на пятомъ словѣ какъ-бы остается что-то отъ четвертаго. Всякое состояніе сознанія прекращается-только постепенно: отъ него остается слѣдъ, анало-

гичный тому, что физіологическая оптика называетъ послѣдовательнымъ образомъ, слѣдомъ ощущенія (after-sensation, Nachempfindung). Такимъ образомъ четвертое и пятое слова фразы являются чѣмъ-то цѣлымъ, такъ что конецъ одного соприкасается съ началомъ другого. Это обстоятельство имѣетъ очень большое значеніе. Здѣсь смежность двухъ состояній вовсе не бываетъ неопредѣленна и заключается не въ томъ, что двѣ какія-нибудь точки соприкасаются, а въ томъ, что всегда начальная точка настоящаго соприкасается съ конечной точкой предъидущаго состоянія. Если мы вполнѣ ясно поймемъ этотъ простой фактъ, то намъ выяснится и теоретическій механизмъ локализаціи во времени, такъ какъ изъ этого видно, что восходящій переходъ вродѣ описаннаго нами можетъ случиться и отъ четвертаго слова къ третьему и т. д. Благодаря тому, что всякое состояніе сознанія имѣетъ нѣкоторую опредѣленную продолжительность, мы можемъ производить восходящій осмотръ предшествовавшихъ сознательныхъ состояній и оцѣнять ихъ продолжительность, вслѣдствіе чего выясняется положеніе даннаго состоянія относительно настоящаго или его удаленіе во времени. Таковымъ является теоретическій механизмъ локализаціи: регрессивный ходъ состояній сознанія, начинаясь отъ настоящаго, пробѣгаетъ вверхъ (въ прошедшее) болѣе или менѣе длинный рядъ сроковъ.

Для подобной оцѣнки мы обыкновенно употребляемъ болѣе простые и скорые способы. Мы чрезвычайно рѣдко разсматриваемъ всѣ промежуточные члены и довольно рѣдко — большую часть изъ нихъ. Это дѣло мы упрощаемъ прежде всего тѣмъ, что пользуемся извѣстными примѣтными или опорными точками. Возьмемъ самый простой примѣръ. Я ожидаю 30 ноября получить одну очень мнѣ нужную книгу Она идетъ издалека и можетъ придти никакъ не ранѣе, чѣмъ черезъ 20 дней. У меня возникаетъ вопросъ: во время ли я сдѣлалъ заказъ? Послѣ нѣкоторой нерѣшительности я вспоминаю, что заказъ былъ сдѣланъ мною наканунѣ небольшого путешествія, совершеннаго 9 ноября,—это мнѣ извѣстно навѣрное. Вспомнивъ объ

этомъ обстоятельствѣ, я разрѣшилъ свои сомнѣнія. Проанализировавъ этотъ случай, мы убѣдимся, что главное состояніе сознанія — заказъ книги — вначалѣ удаляется въ прошедшее неизвѣстно какъ. Но затѣмъ оно производитъ вторичныя состоянія и при сравненіи съ этими послѣдними является то прежде, то послѣ ихъ. «Образъ скользитъ по линіи прошедшаго взадъ и впередъ, и всякая фраза, которую мы при этомъ произносимъ въ умѣ, представляетъ какъ-бы размахъ коромысла вѣсовъ *). Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ колебаній, образъ наконецъ является на своемъ настоящемъ мѣстѣ; тогда онъ фиксированъ, узнанъ нами. Въ примѣрѣ, только-что мною приведенномъ, воспоминаніе о путешествіи и будетъ тѣмъ, что я назвалъ опорной точкой.

Подъ этимъ именемъ я подразумѣваю такое явленіе или такое состояніе сознанія, положеніе котораго во времени, т. е. отношеніе къ данному моменту, для насъ вполнѣ опредѣленно и помогаетъ намъ производить измѣренія удаленія во времени, другими словами способствуетъ отысканію мѣста, въ прошедшемъ другихъ состояній. Эти опорныя точки сами есть ничто иное, какъ состоянія сознанія, которыя по своей интенсивности долго не забываются, а по своей сложности могутъ входить въ различныя соотношенія съ другими состояніями и тѣмъ еще болѣе способствуютъ своему оживленію. Мы не избираемъ ихъ произвольно, но они сами собою являются нашему уму. Цѣнность опорныхъ точекъ относительна; онѣ бываютъ нужны на часъ, на день, на недѣлю, на мѣсяцъ, а потомъ, не будучи употребляемы, забываются. Характеръ онѣ имѣютъ индивидуальный: иногда одинаковыя опорныя точки сохраняются въ воспоминаніяхъ цѣлаго семейства, общества и даже націи. Эти точки, по моему мнѣнію, возбуждаютъ въ каждомъ изъ насъ различные ряды представленій, въ зависимости отъ тѣхъ событій, изъ которыхъ составлена наша жизнь; такъ, вліяніе

*) Taine, De l'intelligence 2 т., кн. I, гл. II, § 7. Тамъ читатель найдетъ превосходный анализъ примѣра, подобнаго нашему, что даетъ намъ возможность не заниматься подробнымъ разсмотрѣніемъ этого вопроса.

могутъ оказывать наши постоянныя занятія, семейныя происшествія, профессіональныя занятія, научныя изслѣдованія и т. п.; представленія бываютъ тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ разнообразнѣе жизнь индивидуума. Подобно верстовымъ столбамъ или значкамъ на дорогѣ, опорныя точки воспоминаній начинаются въ одномъ пунктѣ и затѣмъ расходятся въ разныя стороны. Онѣ имѣютъ ту особенность, что до нѣкоторой степени могутъ противополагаться другъ другу и между собой быть сравниваемы.

Теперь намъ осталось еще указать, какъ эти точки упрощаютъ механизмъ локализаціи. Событіе, являющееся такой точкой, часто оживляется въ сознаніи и сравнивается съ настоящимъ относительно своего положенія во времени, т. е. промежуточныя состоянія, находящіяся между настоящимъ и опорной точкой, постоянно возстановляются болѣе или менѣе ясно. Отъ этого и происходитъ, что мы постепенно все лучше и лучше уясняемъ себѣ положеніе опорной точки, — по крайней мѣрѣ такъ намъ кажется (позднѣе мы убѣдимся, что въ каждомъ воспоминаніи есть иллюзія). Посредствомъ упражненія локализація точки дѣлается непосредственной, мгновенной, автоматической. При усвоеніи какой нибудь привычки мы замѣчаемъ аналогичное явленіе. Промежуточные члены исчезаютъ, такъ какъ они безполезны. изъ всего ряда мы узнаемъ только два предѣльные срока и этимъ вполнѣ довольствуемся, такъ какъ положеніе этихъ сроковъ во времени для насъ совершенно опредѣленно. Если-бы не было этого сокращеннаго способа, состоящаго въ исчезновеніи огромнаго числа промежуточныхъ членовъ, локализація во времени была бы слишкомъ продолжительна, тяжела и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничена. Этотъ же способъ помогаетъ каждому образу, только что возникшему въ сознаніи, тотчасъ-же локализоваться и помѣщаться между двумя главными вѣхами: настоящимъ и какой-нибудь опорной точкой въ прошедшемъ. Все дѣло оканчивается послѣ нѣсколькихъ колебаній или поисковъ часто утомительныхъ, безплодныхъ и пожалуй всегда несовершенно точныхъ.

Если читатель захочетъ со вниманіемъ прослѣдить

за своими собственными воспоминаніями, то, какъ мнѣ кажется, онъ не найдетъ серьезныхъ возраженій противъ всего сказаннаго. Онъ навѣрное даже замѣтитъ, что описанный нами механизмъ очень похожъ на тотъ, посредствомъ котораго происходитъ локализація въ пространствѣ. Для этой послѣдней есть также свои опорныя точки и сокращенные способы, заключающіеся въ извѣстныхъ разстояніяхъ, которыя служатъ для насъ единицами мѣры.

Думаю, что не будетъ излишнимъ прибавить къ этому, что лакализація въ будущемъ совершается посредствомъ аналогичнаго механизма. Наши свѣдѣнія о будущемъ представляютъ собой ничто иное, какъ копію съ прошедшаго. Здѣсь могутъ имѣть мѣсто только двѣ категоріи фактовъ: одни изъ нихъ являются чистымъ и простымъ воспроизведеніемъ того, что случилось съ нами гдѣ-нибудь въ подобную эпоху при одинаковыхъ обстоятельствахъ; другіе—составляютъ индукцію, дедукцію и выводы изъ прошедшаго, добытые путемъ логической умственной работы. Внѣ этихъ двухъ категорій можно предположить, что все—возможно, но въ то же время надо сознаться, что это все—намъ неизвѣстно.

Изъ этого мы видимъ, что первый родъ фактовъ наиболѣе походитъ на память, потому что заключается въ простомъ воспроизведеніи случившагося съ нами въ дѣйствительности. Положимъ, что кто-нибудь всегда, каждый годъ живетъ въ деревнѣ впродолженіи сентября. Благодаря этому, онъ во всякое время можетъ себѣ представить свою будущую жизнь тамъ, окрестности знакомой деревни и своихъ односельчанъ въ ихъ обычной обстановкѣ. Сначала этотъ образъ является въ сознаніи не вполнѣ опредѣленнымъ; онъ равно можетъ служить матеріаломъ, какъ для воспоминанія, такъ и для будущихъ ожиданій. Прежде всего онъ удаляется отъ настоящаго момента, скользитъ по представленіямъ о зимѣ, объ осени, о лѣтѣ и наконецъ локализируется. Опорными пунктами для сознанія въ данномъ случаѣ могутъ быть представленія послѣдовательной смѣны временъ года, праздниковъ и пр. Отличіе этого механизма отъ механизма памяти про-

шлаго заключается въ томъ, что здѣсь мы идемъ отъ конечнаго предѣла настоящаго къ начальному предѣлу слѣдующаго состоянія, слѣдовательно процессъ, при этомъ происходящій, будетъ противоположенъ процессу совершающемуся при воспоминаніи. Теоретически мысль наша проходитъ черезъ всѣ промежуточныя состоянія, практически же для нея необходимы только нѣкоторыя опорныя точки. Отсюда ясно, что механизмъ здѣсь такой же, какъ и въ случаяхъ памяти, только онъ функціонируетъ въ противоположномъ смыслѣ.

Наконецъ, отбросивъ всѣ голословныя объясненія, мы придемъ къ заключенію, что „узнаваніе" не есть „способность", но представляетъ собой фактъ, вытекающій изъ суммы извѣстныхъ условій. Условія эти оказываютъ значительное вліяніе на „узнаваніе" или локализацію во времени. Всего яснѣе выдѣляются въ сознаніи опорныя точки, затѣмъ идутъ живыя и точныя воспоминанія, почти одинаково легко, сравнительно съ первыми, относимыя на свое настоящее мѣсто, наконецъ за этими стоятъ такія воспоминанія, которыя возбуждаютъ сомнѣніе, и для воспроизведенія которыхъ необходимъ нѣкоторый промежутокъ времени; слѣдующую группу составляютъ тѣ утомительныя узнаванія или припоминанія, которыя разъясняются только посредствомъ различныхъ взвѣшиваній, попытокъ, уловокъ, при чемъ бываютъ и такіе случаи, когда вся работа памяти не даетъ никакихъ результатовъ, и неувѣренность наша выражается фразами вродѣ: „мнѣ кажется, я видалъ это лицо"—или: „съ чего мнѣ это пришло въ голову?" Еще одинъ шагъ,—и локализація сводится на нуль: образъ, не имѣющій своихъ опорныхъ точекъ, не можетъ быть узнанъ. Можно привести множество примѣровъ подобнаго рода, часто встрѣчающихся тамъ, гдѣ повидимому они вовсе не должны имѣть мѣста. Подъ вліяніемъ болѣзни или старости знаменитые люди не узнавали своихъ собственныхъ произведеній. Въ концѣ своей жизни Линней особенно охотно читалъ свои собственныя сочиненія и, увлекаясь этимъ чтеніемъ, восклицалъ: „какъ это хорошо написано! какъ-бы хотѣлъ я быть авторомъ подобныхъ произведеній!" Аналогичный случай передаютъ о Ньютонѣ

относительно открытаго ихъ дифференціальнаго счисленія. Такою же забывчивостью страдалъ подъ старость и Вальтеръ Скоттъ. Однажды ему прочли вслухъ поэму, которая ему необыкновенно понравилась; онъ поинтересовался узнать имя автора,—оказалось, что это была пѣсня изъ его „Пирата". Боллантайнъ, бывшій его секретаремъ и составившій его біографію, разсказываетъ съ мелочными подробностями, какимъ образомъ большая часть романа „Айвенго" была продиктована Вальтеръ Скоттомъ во время острой болѣзни. Прежде чѣмъ онъ выздоровѣлъ и всталъ съ постели, книга была окончена и напечатана; слѣдствіемъ было то, что у него не осталось никакого воспоминанія о своемъ сочиненіи, кромѣ идеи, задуманной имъ еще до болѣзни.

Бываютъ такіе случаи,—примѣръ которыхъ приводитъ Форбесъ Винсловъ,—когда образъ не узнается и не локализуется благодаря тому, что находится близь рубежа сознанія, но не выясняется на этомъ рубежѣ: повидимому здѣсь не достаетъ самой ничтожной опоры. „Поэтъ Роджерсъ, 90 лѣтъ отъ роду, прогуливался въ коляскѣ съ одной дамой. Та спросила его о какой-то знакомой, которую онъ ни за что не могъ вспомнить. Онъ велѣлъ остановить лошадей и спросилъ у лакея: развѣ я знакомъ съ госпожею М.? Лакей отвѣчалъ утвердительно. Это была тягостная для насъ обѣихъ минута, разсказывала потомъ дама. Тогда Роджерсъ взялъ меня за руку и сказалъ: „будьте спокойны, мой другъ, я не дошелъ еще до того, чтобы остановить карету и спросить, знаю-ли я васъ" *).

Еще болѣе любопытный случай разсказываетъ Маколей въ одномъ изъ своихъ опытовъ, посвященныхъ описанію Уичерлея. Его память, говоритъ онъ, въ концѣ жизни была въ одно и тоже время и необыкновенно сильна, и необыкновенно слаба. Если ему вечеромъ читали что-нибудь вслухъ, то утромъ онъ чувствовалъ необычайный приливъ мыслей и выраженій,

---

*) Laycok, A chapter on some organic laws of personal and ancestral memory, стр. 19: Carpenter, Mental Physiology, 444: Ballantine, Life of Walter Scott, гл. XLIV; Spring Symptomatologie, т. II, стр. 530; Forbes Winslow, въ указанномъ раньше трудѣ, стр. 247

такъ что садился и записывалъ ихъ, нисколько не сознавая, что это—чужія мысли, наканунѣ имъ услышанныя. Въ этомъ случаѣ механизмъ памяти какъ-бы раздвояется; патологія анализируетъ намъ измѣненіе, происходящее въ организмѣ. Но глядя на приведенный случай съ точки зрѣнія изложеннаго нами, мы должны понимать его такъ: измѣненіе, запечатлѣвающееся на мозговыхъ клѣткахъ, продолжаетъ здѣсь свое существованіе; динамическія ассоціаціи нервныхъ элементовъ сохраняютъ свою устойчивость; состояніе сознанія, связанное съ каждой изъ этихъ ассоціацій, пробуждается: эти состоянія снова ассоціируются между собой и воспроизводятся въ видѣ рядовъ (фразъ или строфъ). Вслѣдъ за тѣмъ умственный процессъ быстро прерывается. Эти ряды не возбуждаютъ никакого вторичнаго состоянія; они остаются изолированными, безъ такихъ отношеній, которыя связывали бы ихъ съ настоящимъ или отдаляли бы отъ него,—другими словами, безъ всего того, что способствовало бы ихъ помѣщенію во времени. Они принимаются нами за новые образы, потому что никакое сопровождающее ихъ состояніе не оставляетъ на нихъ печати прошлаго.

Локализація во времени вовсе не представляетъ простого, первичнаго мгновеннаго акта, она часто нуждается въ нѣкоторомъ промежуткѣ времени замѣтнаго даже для основанія субъекта. Въ такихъ случаяхъ, гдѣ она повидимому мгновенна, быстрота ея составляетъ только слѣдствіе привычки. Также точно глазъ судитъ о разстояніи предметовъ, и очень возможно, что для тѣхъ или другихъ проявленій памяти, какъ и для приспособленій глаза, въ началѣ никакая локализація не совершается мгновенно *).

*) Обратимъ вниманіе на одно обстоятельство, относящееся къ часто повторяющимся событіямъ. Мнѣ пришлось по крайней мѣрѣ сто разъ путешествовать изъ Парижа въ Брестъ. Всѣ полученныя мною при этомъ представленія до того перепутались между собой, что составили какую то неясную массу или вѣрнѣе — одно общее смутное состояніе сознанія. Изъ всѣхъ этихъ поѣздокъ я могу вспомнить только тѣ, которыя были связаны съ какими-нибудь важными событіями, счастливыми или несчастливыми; только благодаря имъ возникаютъ вторичныя состоянія сознанія, дающія возможность локализовать ихъ во

Слѣдовательно, въ самой высшей формѣ памяти мы нашли только одно новое, это—локализацію во времени. Чтобы закончить это, намъ слѣдуетъ еще выяснить относительно иллюзорный характеръ этой локализаціи.

Въ настоящее время я ясно вспоминаю посѣщеніе одного древняго замка въ Богеміи, — сдѣланное мною годъ тому назадъ. Я осматривалъ замокъ впродолженіи двухъ часовъ. Еще теперь я быстро возстановляю въ моемъ воображеніи это посѣщеніе до мельчайшихъ подробностей: представляю себѣ, какъ я вошелъ черезъ громадныя ворота, прошелъ нѣсколько внутреннихъ дворовъ, галерей, залъ, часовенъ; въ воображеніи моемъ и теперь живо рисуются фрески на стѣнахъ и остальное убранство комнатъ; я довольно хорошо вспоминаю закоулки этого замка до самаго моего выхода изъ него; но въ то же время и ни за что не могу представить себѣ того, что мой осмотръ продолжался именно въ теченіи двухъ часовъ. Время осмотра кажется мнѣ гораздо болѣе короткимъ, и эта разница представляется еще рѣзче, если истекшіе два часа были употреблены на подобное же посѣщеніе, или проведены въ пріятномъ обществѣ. Если мы при этомъ сочтемъ оба періода времени равными, то вовсе не придавая значенія внутреннему свидѣтельству нашего сознанія, а только внѣшнему свидѣтельству мѣры времени—часамъ.

Всякое воспоминаніе, насколько бы оно ни было отчетливо, продолжается гораздо менѣе, чѣмъ дѣйствительность. Научныя изслѣдованія случаевъ, наиболѣе простыхъ, въ которыхъ вѣроятность ошибки очень мала, подтверждаютъ этотъ законъ. Фирордтъ показалъ, что когда мы представляемъ себѣ доли секунды, то наше представленіе о продолжительности ихъ будетъ всегда слишкомъ велико; обратное явленіе наблюдаемъ, если дѣло касается нѣсколькихъ минутъ или нѣсколькихъ часовъ. Для того, чтобы изучить оцѣнку продолжительности этихъ маленькихъ интерваловъ, онъ заставъ-

---

времени, узнать ихъ. Читатели замѣтятъ, что предложенное нами объясненіе механизма „локализаціи“ совершенно согласуется съ объясненіемъ Тэна въ сочиненіи „De l'intelligence“, 2 часть, кн. I, гл. II, § 6.

лялъ нѣсколько времени наблюдать за ударами метронома и затѣмъ воспроизвести самому эти удары со скоростію, равной той, которую онъ наблюдалъ. Во всѣхъ случаяхъ подражаемые интервалы были слишкомъ длинны, когда въ дѣйствительности они были коротки, и наоборотъ—слишкомъ коротки, когда дѣйствительные были длинны *).

Чѣмъ болѣе сложны состоянія сознанія, тѣмъ сильнѣе ошибка. Странно то, что укороченіе воспоминанія повидимому не подчиняется никакому уловимому закону. Такъ, мы не можемъ сказать, что оно—пропорціонально удаленію событія во времени. Если я представлю себѣ мои послѣдніе 10 лѣтъ въ видѣ линіи длиною въ метръ, то послѣдній годъ займетъ 3 или 4 дециметра, пятый—богатый событіями—займетъ 2 дециметра, а остальныя 8 лѣтъ помѣстятся въ 5—6 дециметрахъ.

Въ исторіи мы наблюдаемъ ту же иллюзію. Одни вѣка повидимому тянутся дольше, чѣмъ другіе, и, если я не ошибаюсь, періодъ времени отъ взятія Константинополя до нашихъ дней кажется намъ гораздо длиннѣе того, который лежитъ между взятіемъ Константинополя и первыми крестовыми походами, между тѣмъ какъ хронологически оба эти періода почти совпадаютъ. Вѣроятно явленіе это происходитъ отъ того, что первый періодъ гораздо болѣе знакомъ намъ, и что къ нему мы присоединяемъ наши личныя воспоминанія.

Соотвѣтственно тому, какъ настоящее переходитъ въ прошедшее, состоянія сознанія, соотвѣтствовавшія этому настоящему, исчезаютъ и изглаживаются: нѣсколько дней спустя многіе изъ нихъ совершенно не оставляютъ слѣда; большая часть ихъ забывается, такъ что мы уже теряемъ способность воспроизводить ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и представленіе о присущей имъ продолжительности, слѣдовательно ут-

*) Vierordt, Der Zeitsinn nach Versuchen, 36 — 111. Подобные опыты H. Weber'a съ зрительными воспріятіями: Tastinn und Gemeingefühl, 87. См. также Handbuch der Phisiologie, изд. Hermann'омъ, 1879, т. II, 2 часть, стр. 282.

рата состояній сознанія влечетъ за собой утрату представленія о времени. Если бы для пробужденія какого нибудь отдаленнаго воспоминанія намъ приходилось бы каждый разъ мысленно пробѣгать цѣлый рядъ промежуточныхъ сроковъ, отдѣляющихъ наше настоящее отъ этого воспоминанія, то память была бы невозможна по причинѣ длинноты подобнаго процесса *).

Такимъ образомъ у насъ явился парадоксальный результатъ, а именно—одно изъ условій памяти составляетъ забвеніе. Если бы мы не забывали совершенно огромную массу различныхъ состояній сознанія и не забывали хотя временно большую часть ихъ, то ни о чемъ не могли бы вспоминать. Значитъ забвеніе, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, не есть слѣдствіе разстройства памяти, но представляетъ одно изъ условій ея существованія и цѣлости. Здѣсь мы находимъ замѣчательную аналогію между двумя важнѣйшими жизненными процессами. Жизнь есть пріобрѣтеніе и расходованіе; жизнь организма настолько же зависитъ отъ дезассимиляціи, т. е. удаленія негодныхъ продуктовъ изъ тканей, сколько и отъ усвоенія послѣдними новыхъ веществъ. Забвеніе является такимъ образомъ своего рода процессомъ дезассимиляціи.

Второй результатъ (который снова приводитъ насъ къ сравненію съ зрительными функціями) заключается въ томъ, что познаніе прошлаго походитъ нѣсколько на картину съ отдаленной перспективой, одновременно и обманчивой, и точной; самая точность подобной картины находится въ зависимости отъ иллюзіи. Если бы мы могли наше реальное прошлое именно такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности, сравнить съ субъективнымъ представленіемъ, возникающимъ въ

*) Abercrombie (Essay on intellectual powers, стр. 101) представляетъ такое доказательство: д-ръ Лейденъ обладалъ способностью къ изученію языковъ; онъ могъ почти слово въ слово повторить длинный парламентскій актъ или другой подобный документъ; который онъ прочелъ всего одинъ разъ. Одинъ пріятель поздравилъ его съ этимъ замѣчательнымъ даромъ, но Лейденъ отвѣтилъ, что этотъ даръ для него не столько пріятенъ, сколько тягостенъ. Дѣло въ томъ, какъ объяснилъ онъ, что ему приходилось повторить въ умѣ всю статью съ самаго начала, если онъ хотѣлъ вспомнить какую-нибудь часть ея.

нашей памяти объ этомъ прошломъ, мы пришли бы къ заключенію, что эта копія заключается въ особой системѣ проэкціи: каждый изъ насъ легко оріентируется въ такой системѣ, потому что создаетъ ее самъ.

IV. Свойства сознательной памяти (продолженіе).

Мы только что прослѣдили весь процессъ памяти, отъ ея низшихъ проявленій до самой высокой степени развитія; теперь будемъ продолжать тоже въ обратномъ порядкѣ и дойдемъ мало по малу снова до нашей точки отправленія. Это для насъ совершенно необходимо именно для того, чтобы еще разъ доказать, что память заключается въ различныхъ степеняхъ процесса организаціи, заключенныхъ между двумя крайними предѣлами: новымъ состояніемъ и органическимъ запечатлѣніемъ (органическимъ прочнымъ усвоеніемъ прежнихъ состояній).

Эта форма умственной дѣятельности наиболѣе ясно свидѣтельствуетъ въ пользу теоріи постепеннаго развитія. Только смотря съ такой точки зрѣнія, мы можемъ понять природу памяти, также какъ и то, что и изученіе ея не ограничивается только физіологіей; это изученіе должно еще касаться морфологіи памяти, т. е. исторіи постепенныхъ преобразованій этого процесса.

Возвратимся къ тому пункту въ нашемъ вопросѣ, на которомъ остановились. Предположимъ, что мы припоминаемъ одинъ или два раза какое-нибудь новое пріобрѣтеніе нашего ума. Подобныя воспоминанія представляютъ собой самые непрочные элементы памяти, непрочные до того, что многіе изъ нихъ вскорѣ совершенно исчезаютъ: къ этой группѣ можетъ быть отнесена большая часть фактовъ, совершающихся ежедневно и даже ежечасно. Организація ихъ всегда очень слаба даже въ томъ случаѣ, когда они отличаются ясностью и интенсивностью. Но чѣмъ чаще они возвращаются, произвольно или непроизвольно, тѣмъ дѣлаются прочнѣе и стремленіе ихъ къ организаціи выражается рѣзче.

За этой группой воспоминаній, вполнѣ сознатель-

ныхъ и неорганизованныхъ, слѣдуетъ группа воспоминаній сознательныхъ и полуорганизованныхъ; сюда можно отнести представленія, касающіяся языка, только что нами изучаемаго, или научной теоріи, наконецъ ремесла, которыми мы владѣемъ только на половину. Здѣсь становится незамѣтнымъ индивидуальный характеръ первой группы; воспоминаніе дѣлается все болѣе и болѣе безличнымъ; оно объективируется. Локализація во времени исчезаетъ, такъ какъ она — безполезна. Правда, нѣкоторыя изолированныя состоянія сознанія и здѣсь сопровождаются личными впечатлѣніями, которыми и локализуются. Такъ напримѣръ я вспоминаю, что заучилъ какое нибудь нѣмецкое или англійское слово въ такомъ то городѣ, при такомъ то обстоятельствѣ. Это является какъ бы условіемъ оживленія, представляетъ какъ бы ярлыкъ того прежняго состоянія, своего рода печать на немъ. Но съ теченіемъ времени печать эта стирается, и данное состояніе получаетъ заурядный и безличный характеръ всѣхъ другихъ состояній.

Но положимъ, что мое знаніе науки, языка или искусства ростетъ все сильнѣе и сильнѣе. Мало по малу оно выходитъ изъ сферы психической и больше подходитъ на память органическую. Примѣръ подобнаго явленія мы можемъ видѣть въ памяти родного языка для взрослаго.

Слѣдуя дальше, мы находимъ память совершенно организованную и почти безсознательную, какъ то: память музыкальной игры у талантливаго артиста, память ремесла у опытнаго работника, память танцовальныхъ пріемовъ у балерины. Тѣмъ не менѣе все это когда то представляло память обыкновенную въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. память вполнѣ сознательную.

Можно идти еще дальше. Работа каждаго изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ (видѣніе, ощупываніе, хожденіе и т. п.) требуетъ памяти вполнѣ организованной. Она такъ воплощается въ насъ, что большинству изъ насъ даже не приходитъ въ голову вопросъ, насколько здѣсь пріобрѣтеннаго нами и насколько врожденнаго. То же самое можно сказать и о многихъ нашихъ обыденныхъ сужденіяхъ. „Никто не говоритъ, что онъ

припоминаетъ себѣ, существуетъ ли у разсматриваемаго предмета еще и противоположная сторона, или что извѣстное измѣненіе зрительнаго впечатлѣнія влечетъ за собой идею объ извѣстномъ разстояніи, или что движеніе ногъ способствуетъ намъ двигаться впередъ, или что предметъ, двигающійся передъ нашими глазами, есть живое существо. Можно было бы сказать, что обращенные къ другому человѣку вопросы о томъ, припоминаетъ ли онъ, что солнце свѣтитъ, что огонь горитъ, что желѣзо твердо, что ледъ холоденъ, представляютъ собой безполезную трату времени" *). Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, все это въ первыхъ проявленіяхъ сознанія было памятью въ тѣсномъ смыслѣ.

Не стоитъ прибавлять, что все нами сказанное представляетъ только идеальный очеркъ, одну схему. Мы дѣлали бы двойную ошибку, если стали бы стремиться раздѣлить на ясные отдѣлы постепенность развитія, такъ какъ эта постепенность совершается нечувствительными переходами и кромѣ того у каждаго индивидуума имѣетъ различный характеръ.

Теперь у насъ возникаетъ вопросъ: можно ли идти дальше въ нашемъ изслѣдованіи? Отвѣтъ получается удовлетворительный. Ниже сложныхъ рефлексовъ, которые представляютъ органическую память въ самыхъ непосредственныхъ ея проявленіяхъ, можно считать рефлексы простые. Можно предполагать, что такіе рефлексы, вытекающіе изъ прирожденнаго анатомическаго расположенія, вначалѣ также были пріобрѣтены и затѣмъ укоренились благодаря безчисленнымъ упражненіямъ при постепенномъ развитіи видовъ. Такимъ образомъ въ насъ совершился бы переходъ отъ памяти индивидуальной къ наслѣдственности, которая составила бы память специфическую. Но объ этой гипотезѣ достаточно упомянуть только мимоходомъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что нельзя точно опредѣлить, гдѣ кончается память, какъ психическая, такъ и органическая. То, что мы обыкновенно назы-

*) Herbert Spencer, Principes de psychologie, т. I, часть 4, гл. VI. Глава эта прекрасно выясняетъ вопросъ о памяти, разсматриваемой съ точки зрѣнія постепеннаго развитія.

ваемъ собирательнымъ именемъ памяти, представляетъ ряды состоянiи, обладающихъ всѣми степенями организацiи, отъ состоянiя зарождающагося до состоянiя совершеннаго. Происходитъ постоянный переходъ отъ неустойчиваго къ прочному, отъ состоянiя сознательнаго, представляющаго шаткое прiобрѣтенiе, къ состоянiю органическому, которое является прiобрѣтенiемъ укоренившимся. Благодаря этому безпрерывному движенiю къ организацiи, является извѣстное упрощенiе, порядокъ въ матерiалахъ, дающiй возможность развиваться болѣе высокимъ проявленiямъ мышленiя. Если-бы память была предоставлена самой себѣ, если-бы ей не было оказываемо никакого внѣшняго противодѣйствiя, то она способствовала бы постепенному исчезновенiю сознанiя въ человѣкѣ, дѣлала бы изъ него такимъ образомъ автомата.

Допустимъ нѣчто неосуществимое, на дѣлѣ,—именно, что взрослый человѣкъ очутился въ такихъ условiяхъ, въ которыхъ ни одно новое состоянiе сознанiя—новыя воспрiятiя, идеи, образы, чувствованiя, желанiя — не можетъ имѣть мѣста. Все дѣло свелось бы къ тому, что прежнiе ряды сознательныхъ состоянiй, принадлежащихъ каждой формѣ психической дѣятельности, мало по малу такъ совершенно организовались бы у этого человѣка, что онъ сдѣлался бы едва сознающимъ автоматомъ. Можно найти нѣкоторое подтвержденiе этой гипотезы въ людяхъ умственно ограниченныхъ и рутинерахъ. Заключивъ себя въ узкiй кругъ идей и дѣйствiй, изъ котораго они по мѣрѣ силъ стараются удалить все новое и непредвидимое, подобные люди стремятся къ состоянiю полной умственной неподвижности; они становятся „машинами во всемъ“; для нихъ въ большинствѣ случаевъ сознанiе представляется какъ-бы ненужной роскошью“.

Изслѣдовавъ подробно интересующiй насъ предметъ, мы снова приходимъ къ нашему начальному положенiю: сознательная память представляетъ только часть бiологической памяти. Посредствомъ другого ряда соображенiя мы имѣемъ возможность еще разъ показать; чья память находится въ тѣсной связи съ основными условiями жизни.

Всѣ формы памяти, отъ наиболѣе высокой до низшей, сохраняются посредствомъ динамическихъ ассоціацій между нервными элементами и особенныхъ измѣненій этихъ элементовъ, по крайней мѣрѣ—нервныхъ клѣтокъ. Такія измѣненія не остаются въ инертной матеріи и не имѣютъ сходства съ отпечаткомъ, наложеннымъ на воскъ. Происходятъ они въ матеріи живой. Мы знаемъ, что во всѣхъ живыхъ тканяхъ совершается постоянное молекулярное обновленіе, и между ними въ нервной ткани это обновленіе наиболѣе сильно и именно въ сѣромъ веществѣ, которое обновляется больше, чѣмъ бѣлое, какъ это видно изъ необыкновенно большого числа кровеносныхъ сосудовъ въ бѣломъ веществѣ. Упомянутыя измѣненія элементовъ сохраняются постоянно,—слѣдовательно мы должны допустить, что приносъ новыхъ матеріаловъ и размѣщеніе новыхъ молекулъ всегда представляютъ тотъ самый типъ, который имѣло предшествовавшее распредѣленіе ихъ. Итакъ память находится въ непосредственной зависимости отъ питанія.

Но надо замѣтить, что клѣточки имѣютъ не одно только свойство усвоивать питательныя вещества. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторый періодъ своей жизни они обладаютъ способностью размноженія, и позже мы увидимъ, какимъ образомъ этимъ фактомъ объясняются нѣкоторые случаи возстановленія памяти. Какъ полагаютъ всѣ физіологи, это размноженіе есть ничто иное, какъ одинъ изъ видовъ процесса питанія. Такимъ образомъ питаніе, составляющее по преимуществу жизненный процессъ, является главною основою памяти.

Оставляю на время этотъ вопросъ. Когда намъ придется говорить о разстройствахъ памяти, о случаяхъ ея возбужденія и угнетенія, мгновенныхъ отсутствіяхъ ея, внезапныхъ исчезаніяхъ и такихъ-же возвращеніяхъ и о ея постепенномъ ослабленіи,—тогда съ большею пользою можемъ мы заняться этимъ вопросомъ; тогда основная роль процесса питанія въ дѣлѣ памяти выяснится сама собой. До сихъ поръ мы ограничивались лишь вступительными замѣчаніями о нашемъ предметѣ: мы изучали память въ ея здоровомъ состояніи. Теперь приступимъ къ изученію ея въ болѣзненномъ состоя-

ніи. Патологія памяти дополняетъ ея физіологію; увидимъ, подтверждаетъ-ли она эту послѣднюю.

Отдѣлъ II. Общія амнезіи (потери памяти).

Классификація болѣзней памяти.

Для изученія болѣзней памяти существуетъ весьма обильный матеріалъ. Онъ находится и въ медицинскихъ книгахъ, и въ сочиненіяхъ о душевныхъ болѣзняхъ, и въ трудахъ различныхъ психологовъ. Собрать этотъ матеріалъ не представляется особенно затруднительнымъ, а потому мы всегда можемъ пользоваться достаточнымъ запасомъ наблюденій. Главный трудъ при этомъ будетъ заключаться въ классификаціи наблюденій, въ надлежащемъ ихъ толкованіи и въ правильномъ заключеніи относительно механизма памяти. Въ этомъ отношеніи всѣ собранные факты не могутъ обладать одинаковой цѣнностью; наиболѣе необычайные не всегда бываютъ самыми поучительными, а наиболѣе любопытные часто не имѣютъ достаточной ясности. Врачи, которые по преимуществу сообщали эти факты, въ большинствѣ случаевъ говорили о нихъ и изучали ихъ только съ медицинской точки зрѣнія. Всякое разстройство памяти для нихъ представляетъ не болѣе, какъ симптомъ, которымъ они пользуются въ случаѣ надобности для распознаванія и предсказанія. То же можемъ сказать и о классификаціи этихъ фактовъ: врачи ограничиваются тѣмъ, что въ каждомъ случаѣ амнезіи ищутъ связи съ тѣмъ болѣзненнымъ состояніемъ, отъ котораго происходитъ это явленіе, напр. съ размягченіемъ, кровоизліяніемъ, сотрясеніемъ мозга, отравленіемъ и т. п.

Для насъ же наоборотъ болѣзни памяти сами по себѣ являются предметомъ изученія, какъ психическія болѣзненныя явленія, которыя во многомъ помогаютъ выясненію здороваго состоянія памяти. Относительно классификаціи этихъ болѣзней мы должны сказать, что можемъ пользоваться единственно только внѣшними

сходствами и различіями. Мы имѣемъ слишкомъ ничтожныя свѣдѣнія для того, чтобы попытаться сдѣлать естественную классификацію, т. е. основанную на причинныхъ моментахъ. Потому во избѣжаніе недоразумѣній я предупреждаю, что классификація, приводимая мною ниже, имѣетъ цѣлью только внесеніе нѣкотораго порядка въ массу неясныхъ и разнородныхъ фактовъ, а слѣдовательно можетъ быть произвольна во многихъ отношеніяхъ.

Разстройства памяти могутъ заключаться въ какой-нибудь одной категоріи воспоминаній, оставляя не тронутыми, повидимому, по крайней мѣрѣ, всѣ другія воспоминанія: это составляетъ такъ называемыя частныя разстройства. Иногда же наоборотъ память бываетъ поражена во всѣхъ своихъ проявленіяхъ; подобныя разстройства какъ-бы дѣлятъ всю нашу умственную жизнь на двѣ, или на нѣсколько частей, образуютъ въ ней пробѣлы и даже постепенно совершенно разрушаютъ ее: это уже будутъ общія разстройства памяти.

Значитъ прежде всего мы различаемъ два крупные класса: общія и частныя болѣзни памяти. Въ слѣдующей главѣ мы займемся только первымъ и будемъ изучать ихъ въ такомъ порядкѣ: 1) временныя амнезіи; 2) періодическія амнезіи; 3) прогрессирующія амнезіи, наименѣе занимательныя, но наиболѣе поучительныя; 4) затѣмъ должны сказать нѣсколько словъ о врожденной амнезіи.

I. Временныя потери памяти. Эпилептики. Забываніе нѣкоторыхъ періодовъ жизни. Примѣры перевоспитанія. Медленное и внезапное возвращеніе памяти.

Временныя амнезіи обыкновенно неожиданно начинаются и такъ же кончаются. Продолжительность ихъ различна — отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ лѣтъ. Наиболѣе непродолжительные, чистые, обыкновенные случаи такихъ амнезій замѣчаются при эпилепсіи.

Врачи расходятся въ мнѣніяхъ относительно природы, локализаціи и причины этой болѣзни. Но разъ-

яснять эти противорѣчія не составляетъ нашей задачи. Для насъ достаточно того, что всѣ авторы признаютъ три формы эпилепсіи: судорожную, обморочную и эпилептическое головокруженіе, — что всѣ эти формы они вовсе не считаютъ разновидностями, а только различными степенями одного и того же болѣзненнаго состоянія,—наконецъ, что приступы этой болѣзни тѣмъ больше оказываютъ вліянія на умственныя способности больного, чѣмъ слабѣе выражены ея внѣшнія проявленія. Припадки эпилепсіи сопровождаются умственнымъ разстройствомъ, выражаемымъ какъ простыми странностями и безсмысленными движеніями, такъ и преступленіями. Такія дѣйствія имѣютъ одинъ общій характеръ, которому Хайлингсъ Джэксонъ даетъ названіе умственнаго автоматизма. Такія состоянія не оставляютъ по себѣ никакихъ воспоминаній. Только въ исключительныхъ случаяхъ сохраняются чрезвычайно слабые слѣды памяти.

У одного больного во время консультаціи съ докторомъ сдѣлалось эпилептическое головокруженіе. Вскорѣ больной оправился, но забылъ, что только что передъ припадкомъ уже вручилъ доктору его гонораръ *). Одинъ чиновникъ приходитъ въ себя за своей конторкой: его мысли какъ-то спутаны, но онъ не чувствуетъ никакого нездоровья. Онъ вспоминаетъ, что заказалъ въ ресторанѣ обѣдъ, но что случилось потомъ,—этого онъ не могъ припомнить вовсе. Тогда онъ отправляется въ ресторанъ и узнаетъ тамъ, что обѣдалъ, расплатился за обѣдъ, но совсѣмъ не былъ похожъ на больного и ушелъ по направленію къ своей конторѣ. Забвеніе его продолжалось около трехъ четвертей часа. Другой эпилептикъ въ припадкѣ своей болѣзни упалъ въ лавкѣ, но затѣмъ вскочилъ и выбѣжалъ оттуда, оставивъ шляпу и записную книжку. Меня нашли, разсказываетъ онъ, въ разстояніи полу-километра отъ

*) Приведенные далѣе факты взяты большею частью изъ мемуара Hughlings Iackson'a, опубликованнаго въ West Riding Asylum Reports, переведенномъ на франц. яз. въ Revue scientifique 19 февр. 1876 г., и изъ работы Falret о душевномъ состояніи эпилептиковъ, въ Archives de medecine, декабрь 1860 апрѣль и октябрь 1861 г.

мѣста, гдѣ случился припадокъ; я забѣгалъ во всѣ лавочки, отыскивая свою шляпу, но совершенно не понималъ, что дѣлалъ, и пришелъ въ себя лишь черезъ десять минутъ на вокзалѣ желѣзной дороги. Труссо разсказываетъ, что одинъ сановникъ, членъ ученаго общества, во время засѣданія этого общества въ Парижской Ратушѣ, вдругъ всталъ, безъ шляпы вышелъ на улицу, дошелъ до набережной, затѣмъ возвратился, занялъ свое мѣсто и принималъ участіе въ преніяхъ, вовсе не помня о своемъ выходѣ изъ залы.

Часто въ періодѣ автоматизма больной продолжаетъ дѣлать то, что онъ началъ въ моментъ припадка, или говорить о только-что прочитанномъ. Въ предъидущей главѣ мы уже видѣли нѣсколько такихъ примѣровъ. Очень часто въ подобномъ состояніи бываютъ безуспѣшныя попытки самоубійства, отъ которыхъ послѣ припадка не сохраняется никакого воспоминанія. То же можно сказать и о преступленіяхъ, совершаемыхъ эпилептиками. Одинъ башмачникъ въ припадкѣ эпилептической маніи убилъ сапожнымъ ножомъ своего тестя въ день свадьбы. Черезъ нѣсколько дней больной пришелъ въ себя: у него не было никакого подозрѣнія относительно совершеннаго имъ преступленія *).

Мы думаемъ, что этихъ примѣровъ достаточно, и что они гораздо болѣе, чѣмъ общія описанія, могутъ способствовать составленію яснаго понятія объ эпилептической амнезіи. Нѣкоторый періодъ умственной дѣятельности вовсе не доходитъ до сознанія; о немъ эпилептикъ узнаетъ отъ другихъ лицъ или съ помощью собственныхъ смутныхъ догадокъ.

Таковъ фактъ, относительно же его психологическаго объясненія возможны двѣ гипотезы.

Можно допустить, или что въ періодѣ умственнаго автоматизма сознанія совершенно нѣтъ; въ этомъ случаѣ амнезію не надо и объяснять, такъ какъ если ничего не было произведено, то нечему и сохраняться и воспроизводиться;—или-же сознаніе сохраняется, но въ такой слабой степени, что за нимъ слѣдуетъ амне-

*) См. Morel. Traité des maladies meniales, стр. 695.

зія. Мнѣ кажется, что къ огромному большинству случаевъ подходитъ вторая гипотеза.

Прежде всего чисто теоретическія разсужденія съ трудомъ допускаютъ, чтобы очень сложныя дѣйствія, имѣющія различныя цѣли, производились бы при полномъ отсутствіи сознанія, хотя бы перемежающагося. Если-бы мы придали очень важное значеніе вліянію привычки, все же мы должны согласиться съ тѣмъ, что сознаніе можетъ не участвовать при однообразныхъ дѣйствіяхъ, но что оно необходимо при разнообразіи.

Но эти разсужденія имѣютъ характеръ только вѣроятности; рѣшить же дѣло можно только посредствомъ опыта. И, дѣйствительно, нѣкоторые факты доказываютъ нѣкоторую работу сознанія даже въ такихъ случаяхъ, когда больной не имѣетъ никакого воспоминанія о бывшемъ съ нимъ припадкѣ. „Нѣкоторые эпилептики во время припадка отвѣчаютъ коротко и съ крикомъ на такіе вопросы, которые обращены къ нимъ въ отрывистомъ и повелительномъ тонѣ. По окончаніи припадка они совершенно забываютъ какъ то, о чемъ ихъ спрашивали, такъ и то, на что они давали свои отвѣты. Одному ребенку во время припадковъ давали нюхать эфиръ или амміакъ, запахъ которыхъ онъ очень не любилъ. Въ это время онъ обыкновенно кричалъ: „уйди, уйди, уйди!“, а по окончаніи припадка совершенно ничего не помнилъ. Иногда эпилептики съ трудомъ вспоминаютъ нѣкоторые факты, происшедшіе съ ними во время припадка и особенно въ послѣдніе его моменты. Тогда состояніе этихъ больныхъ больше всего походитъ на пробужденіе отъ тяжелаго сна. Сначала они никакъ не могутъ вспомнить главныхъ обстоятельствъ припадка, не признаютъ фактовъ, которые имъ приписываются, но затѣмъ припоминаютъ нѣкоторыя подробности, повидимому, совершенно забытыя“ *).

Если подобные случаи указываютъ намъ на присутствіе сознанія во время припадковъ эпилепсіи, то можно предполагать, что оно дѣйствуетъ и при многихъ другихъ обстоятельствахъ. Но я не хочу утвер-

*) Trousseau, Lecons, cliniques, т. II. стр. 114 стр. Fabret, loc. cit.

ждать, что такъ бываетъ всегда. Сановникъ, о которомъ мы уже говорили, довольно хорошо оріентировался на улицѣ, избѣгая препятствій, экипажей и прохожихъ, что нѣсколько доказываетъ нѣкоторую работу сознанія во время его припадка; но въ аналогичномъ случаѣ, приводимомъ Хайлингсомъ Джэксономъ, одинъ больной попалъ было однажды подъ омнибусъ, а въ другой разъ едва не упалъ въ Темзу.

Какъ-же можемъ мы объяснить амнезію въ такихъ случаяхъ, гдѣ сознаніе было сохранено? Очевидно, что причиной такого явленія мы можемъ считать только крайнюю слабость состояній сознанія. Всякое состояніе сознанія вполнѣ укрѣпляется только тогда, когда оно во-первыхъ имѣетъ напряженность, и во-вторыхъ — часто повторяется; въ сущности второе обстоятельство сводится къ первому, такъ какъ повтореніе представляетъ собой суммированіе небольшихъ силъ. Въ данномъ случаѣ нѣтъ ни одного изъ этихъ факторовъ. Умственное разстройство, наблюдаемое послѣ припадка, по моему мнѣнію замѣчательно хорошо опредѣлено Джэксономъ, который далъ этому состоянію названіе „эпилептической грезы". Одинъ изъ его больныхъ, молодой человѣкъ девятнадцати лѣтъ, отъ котораго никакъ нельзя было ожидать желанія догматизировать подобный вопросъ, самъ однажды употребилъ тоже самое выраженіе. „Послѣ припадка, онъ легъ въ постель и тотчасъ-же сталъ разговаривать съ воображаемымъ другомъ: Подожди минуту, Вилльямъ, я иду. Онъ всталъ, сошелъ съ лѣстницы, отворилъ двери и вышелъ на улицу въ одной рубашкѣ. Холодъ заставилъ его придти въ себя; тогда его удержалъ отецъ. А, такъ это, значитъ, была греза, сказалъ больной и снова легъ въ постель".

Будемъ сравнивать умственное состояніе эпилептиковъ съ сонной грезой для того, чтобы идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Чрезвычайно часто бываютъ такія сновидѣнія, которыя мы тотчасъ же забываемъ. Проснувшись ночью, мы обыкновенно помнимъ прерванную грезу совершенно ясно, но къ утру всякое воспоминаніе о ней исчезаетъ. Замѣчательнѣе всего это бываетъ въ моментъ утренняго пробужденія. Тогда

сны вспоминаются намъ очень живо, но по прошествіи часа о нихъ не остается ни малѣйшаго воспоминанія. Кому не приходилось напрасно ломать голову, чтобы припомнить сновидѣніе предшествовавшей ночи, о которомъ въ памяти запечатлѣлось только то, что оно дѣйствительно было?

Объяснить это явленіе очень не трудно. Состоянія сознанія, составляющія сонную грезу, необыкновенно слабы. Хотя они и кажутся намъ сильными, но это только потому, что въ данный моментъ кромѣ нихъ нѣтъ ни одного болѣе сильнаго сознательнаго состоянія, которое могло бы одержать верхъ надъ ними. Но какъ только начинается состояніе бодрствованія, все въ сознаніи занимаетъ свое мѣсто. Внутренніе образы слабѣютъ предъ внѣшними воспріятіями, внѣшнія воспріятія—предъ состояніемъ напряженнаго вниманія, а это послѣднее — предъ идеею, интересующею насъ больше всего. Вообще сознаніе при большей части сновидѣній отличается минимумомъ напряженности.

Такимъ образомъ, всего труднѣе для насъ объ снить, вслѣдствіе чего по окончаніи эпилептическаго припадка сознаніе доходитъ до минимума? Этого не объясняютъ намъ ни физіологія, ни психологія, такъ какъ ни одной изъ нихъ не извѣстны условія происхожденія сознанія. Вопросъ становится еще менѣе яснымъ отъ того, что амнезія въ этихъ случаяхъ касаетя только содержанія эпилептическаго бреда. Вотъ что встрѣчаемъ мы у субъектовъ, одновременно страдающихъ алкоголизмомъ и эпилепсіей. Днемъ такой больной находится въ состояніи эпилептическаго бреда, ломаетъ все, что попадается на глаза, бросается на окружающихъ. Послѣ непродолжительной ремиссіи, ночью у него начинается алкоголическій бредъ, который, какъ извѣстно, отличается ужасающими видѣніями. Придя въ себя утромъ, больной припоминаетъ весь ночной бредъ; но того, что съ нимъ было днемъ, онъ не помнитъ вовсе *).

Необходимо объяснить еще одно обстоятельство. Если амнезія обусловливается слабостью первичныхъ

*) Magnan, Clinique de Sainte—Anne, 3 марта 1879 г.

состояній сознанія, то какъ могутъ эти, по нашей гипотезѣ, слабыя состоянія требовать извѣстныхъ поступковъ? По Хайлингсу Джексону „умственный автоматизмъ имѣетъ причиной избытокъ дѣятельности нервныхъ центровъ низшаго порядка, которые при этомъ играютъ роль центровъ высшихъ, направляющихъ". Слѣдовательно здѣсь мы находимъ лишь частный случай хорошо извѣстнаго физіологическаго закона: эксцито-моторная сила рефлекторныхъ центровъ увеличивается, когда нарушается связь ихъ съ высшими центрами *).

Если мы ограничимся только психологической задачей, то ее рѣшить возможно. Конечно, если мы будемъ принимать сознаніе за „силу", которая существуетъ и дѣйствуетъ сама по себѣ, то все сдѣлается для насъ неяснымъ и даже непонятнымъ. Но если предположить, какъ мы говорили въ предъидущей главѣ, что сознаніе бываетъ лишь спутникомъ нервнаго состоянія, служащаго основнымъ элементомъ явленія, то задача наша разъясняется. По крайней мѣрѣ, мы не видимъ противорѣчія въ томъ предположеніи, что нервное состояніе достаточное для совершенія извѣстныхъ актовъ, въ то же время не достаточно для пробужденія сознанія. Возникновеніе какого нибудь движенія и возникновеніе какого нибудь сознательнаго состоянія—два совершенно различные и независимые факта; условія существованія одного изъ нихъ вовсе не составляютъ условій другого.

Переходимъ теперь къ случаямъ временной амнезіи разрушительнаго характера. Во всѣхъ приведенныхъ нами примѣрахъ память, бывшая до начала болѣзни, сохраняется вполнѣ: все дѣло заключалось въ томъ, что нѣчто, появлявшееся въ сознаніи, проходитъ безслѣдно для памяти. Въ послѣдующихъ же случаяхъ

---

*) Fabrel (loc. cit.) говоритъ: „Для эпилептической маніи характерно то, что у одного и того же больного всѣ приступы замѣчательно похожи другъ на друга, не только въ цѣломъ, но и въ самыхъ мелкихъ частностяхъ... Во время каждаго припадка у больного являются однѣ и тѣ же идеи, онъ производитъ одни и тѣ же дѣйствія. Всѣ приступы отличаются замѣчательнымъ однообразіемъ".

часть памяти теряется. Такіе случаи поражаютъ всего сильнѣе. Возможно, что дальнѣйшее развитіе физіологіи и психологіи воспользуется ими для выясненія сущности памяти. Въ настоящее же время, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, они не представляютъ намъ никакихъ разъясненій.

Случаи этого рода очень разнохарактерны. Иногда память исчезаетъ съ самаго момента заболѣванія, причемъ теряется способность сохранять всѣ послѣдующія обстоятельства, иногда же забываются послѣднія событія передъ болѣзнью; всего чаще такіе случаи, когда потеря памяти касается, какъ событій до болѣзни, такъ и событій послѣ нея. Иногда память возвращается сама собой, неожиданно, иногда же постепенно и при нѣкоторой посторонней помощи; иногда случается абсолютная потеря памяти, и тогда необходимо совершенное перевоспитываніе человѣка. Постараемся дать примѣры на всѣ подобные случаи.

„Одна молодая женщина, страстно любившая своего мужа, имѣла во время родовъ продолжительный обморокъ, послѣ котораго она совершенно утратила всякое воспоминаніе о своей супружеской жизни. Всю остальную жизнь до замужества она помнила отлично... Тотчасъ же послѣ обморока она съ ужасомъ отталкивала отъ себя мужа и ребенка. Впослѣдствіи она никогда не могла вспомнить свою жизнь замужемъ и все, что съ ней было въ это время! Родители и друзья съ трудомъ убѣдили ее различными доводами и авторитетомъ своего свидѣтельства въ томъ, что у ней есть мужъ и сынъ. Она повѣрила этому только потому, что ей легче было считать себя утратившей память о цѣломъ годѣ, чѣмъ признать всѣхъ своихъ близкихъ обманщиками. Но въ этой вѣрѣ не принимали никакого участія ни ея сознаніе, ни ея внутреннее убѣжденіе. Она видѣла предъ собой мужа и ребенка, совершенно не понимая, какимъ волшебствомъ получила она этого мужа и этого ребенка“ *)?

---

*) Lettre de Charles Villiers à G. Cuvier (Paris. Lenormant, 1802), цитируемое Louyer Villermay, въ Essais sur les maladies de la mèmoire. стр. 76—77. Этотъ небольшой трудъ Л. Виллермэ,

Это примѣръ неизлѣчимой амнезіи, охватывающей лишь періодъ, предшествовавшій болѣзни. Что касается психологическаго смысла этого явленія, то здѣсь причиной амнезіи можно считать какъ разрушеніе остатковъ впечатлѣній, такъ и невозможность воспроизведенія ихъ. Въ слѣдующемъ случаѣ, приводимомъ Лэйкокомъ, амнезія распространяется только на время послѣ болѣзни, а потому можетъ быть слѣдствіемъ невозможности органическаго усвоенія и сохраненія состояній сознанія. Механикъ одного парохода упалъ на спину, ударившись затылкомъ о какой-то твердый предметъ, и на время потерялъ сознаніе. Когда сознаніе къ нему возвратилось, онъ довольно скоро поправился и былъ попрежнему совершенно здоровъ физически; онъ прекрасно вспоминалъ всѣ событія своей жизни до этого случая, но съ самаго момента паденія все случавшееся съ нимъ было имъ постоянно тотчасъ-же забываемо, какъ-бы близко его не касалось. Прибывъ въ госпиталь, онъ не зналъ, пришелъ-ли онъ пѣшкомъ, пріѣхалъ ли въ экипажѣ или по желѣзной дорогѣ. Позавтракавъ, онъ сейчасъ-же забывалъ, что только что вышелъ изъ-за стола; онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о часѣ, днѣ, недѣлѣ. Онъ пытался, подумавъ, давать отвѣты на подобные вопросы, но не могъ. Выговоръ словъ отличался медленностью, но былъ ясенъ; рѣчь осмысленна; читалъ этотъ больной правильно". Благодаря хорошему лѣченію болѣзнь прекратилась *).

Обыкновенно при временной амнезіи, происходящей отъ сотрясенія мозга, наблюдается ретроактивное вліяніе на память, т. е. больной, приходя въ сознаніе, теряетъ память не только о случившемся съ нимъ и о послѣдующемъ періодѣ времени, но и о болѣе или менѣе продолжительномъ періодѣ, предшествующемъ событію. Въ этомъ родѣ можно привести большое число примѣровъ; но я возьму только одинъ, принадлежащій Карпентеру (ouv. cité, стр. 450). „Одинъ госпо-

---

изъ котораго, впрочемъ, нельзя извлечь многаго, появился въ Mémoires de la Société de medecine de Paris, 1817, т. I.

*) Laycock, on certains disorders and defects of memory, стр. 12.

динъ ѣхалъ въ кабріолетѣ съ женой и ребенкомъ. Лошадь испугалась и понесла. Послѣ напрасныхъ усилій, употребленныхъ на то, чтобы удержать лошадь, этотъ человѣкъ былъ сброшенъ съ экипажа на землю, при чемъ сильно ударился головой. Когда сознаніе возвратилось къ нему, онъ забылъ всѣ факты, бывшіе непосредственно передъ этимъ случаемъ. Послѣднее, о чемъ у него еще сохранялось воспоминаніе,—была встрѣча на дорогѣ съ пріятелемъ въ разстояніи почти 2 миль отъ того мѣста, гдѣ случилось несчастье. Но и до сихъ поръ онъ совершенно не можетъ вспомнить ни о своихъ усиліяхъ остановить лошадь, ни объ испугѣ жены и ребенка" *).

Но бываютъ случаи амнезіи еще болѣе тяжелаго характера; иногда необходимо было прибѣгнуть къ полному перевоспитанію больныхъ. Эти примѣры мною заимствованы изъ англійскаго журнала Brain.

Первый случай, сообщенный д-ромъ Мортимеромъ Грэнвилемъ, наблюдался у двадцати шести лѣтней истеричной женщины, у которой отъ непосильной работы сдѣлался сильный судорожный приступъ, сопровождавшійся полной потерей сознанія. „Когда сознаніе начало возвращаться, послѣднія здравыя идеи, бывшія до начала болѣзни, очень странно смѣшивались съ получаемыми новыми впечатлѣніями, подобно тому, какъ это наблюдается въ случаяхъ медленно проходящей просоночной грезы. Сидя на кровати у окна, больная видѣла прохожихъ и называла всѣ двигавшіяся фигуры „ходячими деревьями"; когда у нея спрашивали, гдѣ она могла видѣть ходячія деревья, то она всегда говорила: „въ другомъ Евангеліи". Словомъ, ея умственное состояніе было таково, что она не умѣла отличать воображаемаго отъ дѣйствительнаго. Воспоминанія ея были неясны, и она многое совер-

*) Другіе подобные случаи можно найти въ Dictionnaire encyclopèdique des sciences médicales, art. Amnésie. par J. Fabret, стр. 728.

Подобный параличъ памяти, какъ слѣдствіе сотрясенія мозга, не составляетъ рѣдкости. Д-ръ Motet въ послѣднее время сообщилъ въ парижскомъ Société de médecine одинъ случай, возбудившій оживленныя пренія относительно временной амнезіи. См. Union médicale, 18 іюня 1879 г.

шенно забыла изъ того, что до болѣзни составляло главный предметъ ея мыслей. Идеи, бывшія у нея до болѣзни, повидимому такъ овладѣли ея умомъ, что отражались на всѣхъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ тотчасъ-же послѣ возвращенія сознанія, между тѣмъ, какъ мозговая работа, бывшая еще до возникновенія этихъ идей, какъ-бы остановилась. Такъ, эта женщина, всегда занимавшаяся уроками, теперь вовсе не понимала смысла самыхъ простыхъ вещей, необходимыхъ для письма. Когда ей, какъ ребенку, давали перо или карандашъ, она не удерживала ихъ рефлекторно. У ней не возникало никакой ассоціаціи идеи ни при видѣ этихъ предметовъ, ни при прикосновеніи къ нимъ. Даже совершенное разрушеніе мозговой ткани не было бы въ состояніи такъ рѣзко уничтожить результаты воспитанія и привычки. Состояніе это длилось впродолженіи нѣсколькихъ недѣль". Постепенно все забытое вспомнилось, хотя и очень медленно; тѣмъ не менѣе здѣсь не было надобности въ такомъ полномъ перевоспитаніи, какъ въ нижеслѣдующемъ случаѣ *)

Это второе наблюденіе, сдѣланное проф. Шарнеемъ, можетъ служить однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ примѣровъ первовоспитанія, когда-либо приводимыхъ. Изъ всего сообщаемаго авторомъ я возьму только психологическія подробности.

24-хъ лѣтняя женщина, слабаго тѣлосложенія, впродолженіи почти шести недѣль чувствовала непреодолимое стремленіе ко сну. Съ каждымъ днемъ состояніе это усиливалось. Около 10 іюня ее уже не могли разбудить. Въ такомъ положеніи она находилась около двухъ мѣсяцевъ. Когда къ губамъ ея подносили питье или пищу, она проглатывала; насытившись, она стискивала зубы и отворачивалась. Казалось, у ней были вкусовыя впечатлѣнія, такъ какъ упорно не принимала нѣкоторыхъ блюдъ. Втеченіи этого времени она просыпалась всего нѣсколько разъ, но ненадолго. Она не отвѣчала на вопросы и не могла никого узнать: „только одинъ разъ узнала она свою старую знакомую, которую не видала около года. Она долго смотрѣла

*) Brain, a journal of Neurology, октябрь 1879, стр. 317 и слѣд.

на нее, вспоминая повидимому ея имя. Затѣмъ, когда это ей удалось, она произнесла его нѣсколько разъ, сжимая руку знакомой; наконецъ она заснула опять". Въ концѣ августа больная постепенно возвратилась къ состоянію бодрствованія.

Тогда уже началось ея перевоспитаніе. „Придя въ себя, больная утратила память почти обо всемъ, что знала прежде. Все было для нея ново, она не узнавала даже самыхъ близкихъ родныхъ. Веселостью, подвижностью, невнимательностью и способностью приходить въ восхищеніе отъ всего видѣннаго и слышаннаго она походила на ребенка.

Вскорѣ больная пріобрѣла способность сосредоточивать вниманіе. У нея явилась замѣчательно хорошая память на все, что ей приходилось видѣть и слышать послѣ пробужденія отъ спячки,—за то у ней не сохранилось никакого воспоминанія о томъ періодѣ, который былъ ею прожитъ до болѣзни. Часть того, что ей было извѣстно раньше, она выучила снова; иногда это ей доставалось замѣчательно легко, иногда же довольно трудно. Любопытно то, что хотя больная, возвращая потерянное ею, не столько заучивала съизнова, сколько припоминала старое съ помощью родныхъ, — тѣмъ не менѣе она повидимому и теперь не имѣетъ никакого понятія о томъ, что все это она знала и прежде.

„Сначала съ ней нельзя было разговаривать; вмѣсто того, чтобы отвѣтить на предложенный ей вопросъ, она повторяла его слово въ слово. Долго еще потомъ, когда она уже была въ состояніи давать отвѣты, она предварительно повторяла вопросъ. Вначалѣ она имѣла небольшой запасъ словъ, который быстро увеличивался, но при этомъ больная какъ-то странно смѣшивала слова. Тѣмъ не менѣе смѣшиваемыя ею слова всегда имѣли между собою что нибудь общее. Напримѣръ, вмѣсто слова „чай" она употребляла „соусъ", и этимъ именемъ долго называла всѣ вообще жидкости; вмѣсто „бѣлый" говорила „черный", вмѣсто „холодный" — горячій", вмѣсто „моя нога" — „моя рука", вмѣсто „мой глазъ"—„мой зубъ" и т. п. Теперь она привыкла къ правильному употребленію словъ, но иногда составляетъ новыя или говоритъ ихъ съ другими окончаніями.

„До сихъ поръ она еще никого не узнала, даже самыхъ близкихъ родственниковъ, т. е. не можетъ вспомнить, чтобы ей когда-то приходилось ихъ видѣть. Она правильно называетъ ихъ по именамъ или даже даетъ сама имена имъ, нисколько не сознавая идеи о родствѣ съ ними, а только видя въ нихъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Послѣ болѣзни она видѣла не больше 12 лицъ, и кромѣ нихъ у ней нѣтъ никакихъ знакомыхъ.

„Скоро удалось ей выучиться чтенію, но пришлось начать съ азбуки, такъ какъ она совершенно забыла всѣ буквы. Запомнивъ буквы, она стала складывать слоги, слова и теперь читаетъ не дурно. Въ этомъ ей сильно помогало то, что она пѣла хорошо извѣстныя ей прежде пѣсни, текстъ которыхъ держали передъ ней, когда она пѣла.

„Когда ее начали учить письму, то пришлось начинать съ самыхъ первоначальныхъ упражненій, но успѣхи, которые она при этомъ оказывала, были бы невозможны быстры для человѣка, никогда не имѣвшаго ни малѣйшаго представленія о письмѣ.

„Вскорѣ по окончаніи спячки она была уже въ состояніи пѣть многія пѣсни изъ числа тѣхъ, которыя пѣлись ею до болѣзни, и играть на фортепьяно безъ всякой или при очень малой помощи. Когда она поетъ, ей надо напомнить только первыя два-три слова строки, затѣмъ она продолжаетъ безъ всякой помощи, какъ-бы на память. Она въ состояніи играть по нотамъ такія пьесы, которыхъ раньше не разучивала.

„Безъ труда удалось ее выучить нѣкоторымъ карточнымъ играмъ; она можетъ вязать и знаетъ много различныхъ рукодѣлій.

„Но, повторяю, замѣчательно то, что у нея не осталось никакого воспоминанія о всемъ, что ей было извѣстно прежде, хотя ясно, что ея перевоспитанію во многомъ помогали ея прежнія знанія, которыми она пользовалась вполнѣ безсознательно. Если у нея спрашивали, какъ научилась она разбирать ноты, она говорила, что не знаетъ этого, и удивлялась, что этого не могутъ дѣлать тѣ лица, которыя интересовались этимъ вопросомъ.

„Вообще, судя по нѣкоторымъ случайно сдѣланнымъ ею замѣчаніямъ, она имѣетъ многія общія, болѣе или менѣе сложныя идеи, которыя не могли сложиться у нея уже въ періодѣ выздоровленія *).

Судя по сообщенію Шарпея, на перевоспитаніе больной надо было около трехъ мѣсяцевъ. Но нельзя думать, что это единственный въ своемъ родѣ случай. Одинъ англичанинъ, священникъ, получивъ при паденіи сотрясеніе мозга, былъ нѣсколько дней въ безсознательномъ состояніи. Придя въ сознаніе, онъ имѣлъ видъ умнаго ребенка, хотя онъ находился уже въ зрѣломъ возрастѣ, онъ все-таки сталъ снова заниматься англійской литературой и классиками. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, память его мало-по малу вернулась, онъ началъ всему учиться, такъ что спустя нѣсколько времени былъ уже совершенно здоровъ умственно и зналъ все ему извѣстное раньше **).

Другой, хорошо образованный мужчина тридцати лѣтъ, послѣ тяжелой болѣзни утратилъ совершенно память, не могъ вспомнить названія даже самыхъ простыхъ вещей. Когда онъ поправился, ему пришлось, какъ ребенку, учиться всему съизнова; сначала онъ выучилъ названія предметовъ, потомъ научился читать и наконецъ началъ изучать латинскій языкъ. Онъ дѣлалъ необыкновенно быстрые успѣхи. Одинъ разъ во время урока, который давалъ ему его братъ, онъ вдругъ поднесъ руку ко лбу и сказалъ: „я чувствую какое-то странное ощущеніе въ головѣ; теперь мнѣ дѣйствительно кажется, что все это мнѣ было извѣстно и прежде". Съ этой минуты началось возстановленіе всѣхъ его способностей.

Я довольствуюсь пока тѣмъ, что привожу читателямъ только одни факты. Я думаю, что замѣчанія, подсказываемыя этими фактами, будетъ болѣе цѣлесообразно сдѣлать впослѣдствіи. Чтобы закончить рядъ предложенныхъ фактовъ, приведу еще примѣръ временной амнезіи, являющейся какъ-бы переходомъ къ амнезіямъ перемежающимся. Въ этомъ случаѣ мы уви-

*) Brain, апрѣль 1879 г., стр. 1 и слѣд.
**) Forbes Winslow, ouv. cit., стр. 317, 318.

димъ, какъ иногда получается мало по малу какая-то непостоянная или запасная временная память, утрачиваемая тотчасъ же по возвращеніи памяти первоначальной, постоянной.

Здоровая молодая женщина нечаянно упала въ рѣку и едва не утонула. Она была въ безсознательномъ состояніи впродолженіи 6 часовъ, потомъ сознаніе къ ней возвратилось. По прошествіи десяти дней у нея явилось какое-то отупѣніе, длившееся четыре часа. Когда она послѣ того открыла глаза, она никого не могла узнать; у ней исчезли и слухъ, и рѣчь, и вкусъ, и обоняніе. За то необыкновенно изощрились оставшіяся зрѣніе и осязаніе. Не понимая ничего, не имѣя возможности двигаться по своей волѣ, она производила впечатлѣніе животнаго, лишеннаго мозговыхъ полушарій. Аппетитъ у нея былъ хорошъ, но она ѣла только то, что ей давали, не различая вкуса и глотая пищу совершенно автоматически. Автоматизмъ сталъ единственной формой дѣятельности этой женщины; цѣлые дни проводила она въ томъ, что все попадавшееся подъ руку она разщипывала на нитки и рѣзала на мелкіе кусочки; затѣмъ эти кусочки она складывала въ грубые узоры. Черезъ нѣсколько времени ей дали все, что нужно для починки; послѣ нѣсколькихъ подготовительныхъ уроковъ, она принялась за иглу и шила съ утра до вечера безостановочно, не переставая работать въ праздничные дни, да и вообще не понимая никакого различія между воскресеньями и буднями. О прошломъ днѣ у нея не сохранялось никакихъ воспоминаній, и каждое утро она снова бралась за свою работу. Но мало по малу у ней, какъ у ребенка, начали возникать нѣкоторыя идеи и пріобрѣтаться нѣкоторый опытъ. Тогда ей дали болѣе трудную работу— вышивать по канвѣ. Повидимому она съ особеннымъ удовольствіемъ разглядывала образцы узоровъ съ ихъ рисунками и гармоніей цвѣтовъ; но и здѣсь каждое утро она бралась за новую вышивку, если только не лежала на виду вчерашняя.

Изъ всѣхъ идей, пріобрѣтенныхъ прежнимъ опытомъ, у ней, казалось, раньше всего оживились тѣ, которыя относились къ двумъ обстоятельствамъ, про-

изведшимъ на нее наиболѣе сильное впечатлѣніе, а именно: паденіе въ рѣку и любовь къ одному молодому человѣку. Если больной показывали картину, изображавшую рѣку или бушующее море, то у ней являлось волненіе, затѣмъ приступъ спазмадической оцѣпенѣлости съ безчувственностью. Вода, въ особенности приведенная въ движеніе, производила на нее такое сильное впечатлѣніе, что у больной дѣлалась дрожь, даже когда при ней переливали воду изъ одного сосуда въ другой. Кромѣ того, умывая себѣ руки, она только тихо погружала ихъ въ воду.

Съ самаго перваго періода болѣзни, больной повидимому доставляли большое удовольствіе посѣщенія любимаго ею человѣка, и это наблюдалось даже тогда, когда она совершенно безучастно относилась ко всему окружающему. Этотъ молодой человѣкъ приходилъ каждый вечеръ, и по нѣкоторымъ признакамъ можно было замѣтить, что больная, никогда не помнившая ничего происходившаго кругомъ ея, въ извѣстное время съ волненіемъ ожидала, что вотъ-вотъ дверь откроется... Если же „онъ“ не являлся, больная весь вечеръ была въ дурномъ расположеніи духа. Когда ее увозили на дачу, она дѣлалась грустной, раздражительной и страдала частыми историческими припадками. Если же любимый человѣкъ былъ съ ней, ея физическое состояніе замѣтно улучшалось, и умственныя способности и память замѣтно возвращались.

Это возвращеніе долго было очень медленнымъ. Однажды, когда ея мать была особенно огорчена, больная послѣ нѣкотораго колебанія, спросила: что случилось? Съ этого момента она стала по слогамъ говорить нѣкоторыя слова, но все таки не была въ состояніи называть людей и вещи ихъ настоящими именами. Ея любимымъ словомъ было „это“; имъ она одинаково опредѣляла какъ одушевленные, такъ и неодушевленные предметы. Первое, что она стала называть правильно, были нѣкоторые полевые цвѣты, любимые ею въ дѣтствѣ; тѣмъ не менѣе у больной не было никакого представленія о родныхъ мѣстахъ и лицахъ, извѣстныхъ ей съ дѣтства.

„Очень замѣчателенъ способъ, посредствомъ кото-

раго къ ней возвратилась память. Здоровье и физическія силы больной повидимому возстановились вполнѣ ея словарь замѣтно увеличился, умственныя способности понемногу возвращались, когда она вдругъ узнала, что любимый ею человѣкъ ухаживаетъ за другой. Эта мысль пробудила въ ней ревность, дошедшую до того, что однажды больная впала въ безчувственное состояніе, которое своей силой и продолжительностью очень походило на припадокъ, бывшій до болѣзни. На самомъ же дѣлѣ это послужило къ совершенному выздоровленію. По окончаніи припадка, забвеніе покинуло ее, и она, точно проснувшись послѣ двѣнадцатимѣсячнаго сна, сразу узнала все окружавшее: своихъ дѣда и бабку, старыхъ друзей и старый родной домъ. Къ больной вернулись всѣ умственныя способности и всѣ прежнія свѣдѣнія, но за то у ней не осталось никакихъ воспоминаній отъ того періода времени, который прошелъ отъ перваго припадка до самаго возвращенія сознанія. Она говорила, но не слышала, такъ какъ глухота еще оставалась; но она по прежнему могла читать и писать, а потому легко объяснялась съ своими близкими. Съ этого времени она оказывала блестящіе успѣхи, хотя глухота не покидала еще ее. По движенію губъ своей матери (и только ея одной) она догадывалась обо всемъ, что та ей говорила, и вскорѣ мать и дочь свободно объяснялись между собой. Больная ничего не знала о перемѣнѣ, случившейся съ ея возлюбленнымъ во время ея „втораго сознанія". Тяжелое объясненіе было неизбѣжно; она перенесла его необыкновенно твердо. Затѣмъ ея силы физическія и умственныя вполнѣ возстановились" *).

Впослѣдствіи, окончивъ обзоръ всѣхъ этихъ фактовъ, мы увидимъ, какіе выводы относительно механизма памяти можно получить, если основываться на ея патологіи. Теперь мы скажемъ лишь нѣсколько замѣчаній, слѣдующихъ изъ предложенныхъ нами фактовъ.

Сперва необходимо замѣтить, что всѣ приведенные

*) Dunn, The Lancet, 1845, ноябрь, 16—29, Carpenter, стр. 460 и слѣд.

факты являются, съ точки зрѣнія психологіи, двумя различными типами болѣзненнаго состоянія, хотя врачи обыкновенно называютъ ихъ общимъ именемъ полныхъ амнезій.

Первый типъ (примѣромъ котораго могутъ служить случаи, приводимые де Вилльеромъ, Лэйкокомъ, Мортимеромъ Грэнвиллемъ и др.) наблюдается гораздо чаще. Мы привели мало примѣровъ этого типа, потому что не хотимъ утомлять читателя однообразнымъ и безполезнымъ повтореніемъ. Въ психологическомъ отношеніи типъ этотъ отличается тѣмъ, что здѣсь амнезія распространяется лишь на наименѣе автоматическія и наименѣе организованныя формы памяти. Въ случаяхъ, относящихся къ этому патологическому типу, не утрачиваются ни привычки, ни способность къ тому или другому ремеслу, напр. къ шитью, вышиванью и т. п., ни способность къ чтенію, письму и рѣчи на родномъ или иностранныхъ языкахъ: такимъ образомъ память сохраняется въ своей организованной или полуорганизованной формѣ. Болѣзненное разстройство поражаетъ высшія, наименѣе постоянныя проявленія памяти, имѣющія чисто субъективный характеръ, которыя, сопутствуемыя сознаніемъ и локализаціей во времени, представляютъ собой то, что въ предъидущей главѣ мы опредѣлили именемъ психической памяти въ собственномъ смыслѣ этого слова. Кромѣ того мы видимъ, что здѣсь амнезія распространяется на самые свѣжіе факты, и что она обыкновенно касается большаго или меньшаго періода прошлаго *). На первый взглядъ фактъ этотъ кажется намъ страннымъ, такъ какъ мы привыкли къ мысли, что наибольшей свѣжестью и силой обладаютъ наши послѣднія воспоминанія. Въ дѣйствительности же являющійся здѣсь результатъ—вполнѣ логиченъ, такъ какъ устойчивость воспоминанія находится въ прямо-

*) Не могу не разсказать здѣсь одного случая, приводимаго Броунъ Секаромъ: одинъ больной послѣ припадка апоплексіи утратилъ память относительно пяти годовъ жизни. Періодъ этого времени, охватившій эпоху женитьбы больного, оканчивался ровно за шесть мѣсяцевъ до дня, въ который случилась апоплексія.

пропорціональной зависимости отъ степени его организаціи. Теперь я не стану останавливаться на этомъ пунктѣ, такъ какъ послѣ онъ подвергнется болѣе точному разбору.

Если бы мы захотѣли найти физіологическія причины амнезій этой группы, то могли бы строить только гипотезы; и притомъ очень возможно, что причины эти бываютъ совершенно различны въ различныхъ случаяхъ. Прежде всего можно замѣтить (напр., наблюденіе Лэйкока), что способность пріобрѣтать новыя данныя посредствомъ опыта временно утрачивается: состоянія сознанія, по мѣрѣ ихъ появленія, совершенно исчезаютъ. Но какому же измѣненію подвергаются воспоминанія, уже запечатлѣвшіяся въ предшествовавшіе недѣли, мѣсяцы, годы? Вѣдь они болѣе или менѣе долгое время существовали, сохранялись, вызывались; кажется, они должны бы сдѣлаться стойкимъ пріобрѣтеніемъ, а на самомъ дѣлѣ и они исчезаютъ, не оставляя послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Тогда больному приходится пополнять получившійся пробѣлъ искусственно, косвеннымъ путемъ, а именно пользуясь свидѣтельствомъ постороннихъ лицъ и собственными размышленіями: такимъ способомъ кое-какъ появляется нѣкоторая связь между настоящимъ и остаткомъ прошедшаго, сохранившагося въ памяти больного. Наблюденія не показываютъ, чтобы эта связь возстановлялась только помощью непосредственнаго припоминанія. Поэтому мы можемъ сдѣлать два предположенія: или память предшествовавшихъ состояній совершенно утрачивается сознаніемъ, или же она хотя и остается, но исчезаетъ способность этихъ состояній возстановляться путемъ ассоціацій съ настоящимъ. Которая изъ этихъ гипотезъ вѣроятнѣе — этого мы рѣшить не можемъ.

Примѣрами второго, болѣе рѣдкаго типа амнезіи могутъ служить наблюденія Шарпея и Винслова (послѣдній изъ приведенныхъ нами случай Денна представляетъ переходную форму къ группѣ перемежающихся амнезій). Въ случаяхъ этого второго типа разрушеніе бываетъ полное: всѣ формы памяти—организованная, полуорганизованная и со-

знательная — исчезаютъ; передъ нами амнезія совершенная. Мы знаемъ уже, что авторы, опредѣлявшіе это состояніе, сравниваютъ такого больного съ ребенкомъ, а сознаніе его съ tabula rasa. Конечно, словамъ этимъ нельзя придавать ихъ буквальнаго значенія. Изъ всѣхъ примѣровъ перевоспитанія, какіе мы видѣли, можно заключить, что если уничтожается весь пріобрѣтенный опытъ, то въ мозгу все-таки сохраняются нѣкоторыя скрытыя свойства. Замѣчательно быстрые успѣхи, особенно въ послѣднемъ періодѣ болѣзни, мы можемъ понять лишь въ томъ случаѣ, если допустимъ подобное предположеніе. Факты заставляютъ насъ думать, что это возстановленіе умственной дѣятельности, представляющееся намъ дѣломъ искусства, въ дѣйствительности есть еще болѣе дѣло природы. Память снова начинаетъ дѣйствовать, потому что на мѣсто атрофированныхъ нервныхъ элементовъ постепенно являются новые, имѣющіе тѣ же первичныя и пріобрѣтенныя свойства, какія имѣли и ихъ предшественники. Это еще разъ можетъ служить доказательствомъ существованія связи между памятью и питаніемъ.

Хотя нѣтъ возможности обозначить одной общей формулой всѣ случаи амнезіи, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что тѣ изъ нихъ, гдѣ потеря и возвращеніе памяти совершается внезапно, аналогичны съ явленіями внезапнаго прекращенія функцій вообще, явленіями, представляющими въ настоящее время предметъ ревностнаго изученія физіологовъ и въ то же время очень мало намъ извѣстными.

Эти замѣчанія сдѣланы мимоходомъ. Мы считаемъ преждевременнымъ останавливаться на нихъ долѣе. Теперь продолжимъ обзоръ фактовъ и будемъ изучать періодическія амнезіи.

II. Періодическія или перемежающіяся потери памяти. Примѣры.

Изученіе періодическихъ амнезій скорѣе можетъ способствовать выясненію природы нашего „я“ и существованія сознательной личности, чѣмъ разъясненію

механизма памяти съ какой-нибудь новой его стороны. Это изученіе могло бы составить интересную главу труда, никогда еще не появлявшагося въ полномъ видѣ, которому можно бы было дать такое названіе: О болѣзняхъ и заблужденіяхъ личности. Намъ будетъ очень трудно при этомъ удерживаться отъ того, чтобы не затрогивать ежеминутно вопроса о „личности", но все же я постараюсь остаться въ предѣлахъ лишь безусловно необходимаго для ясности изложенія.

Я приведу только немногіе факты, довольно извѣстные. Изученіе случаевъ такъ называемаго „двойного сознанія" очень распространено. Подробное и поучительное наблюденіе д-ра Азама прекрасно опредѣлитъ читателямъ, что разумѣемъ мы подъ именемъ періодической амнезіи. Итакъ я сдѣлаю бѣглый обзоръ главнѣйшихъ фактовъ, начиная съ тѣхъ, въ которыхъ періодическая амнезія наиболѣе рѣзко выражена, и кончая тѣми, въ которыхъ это болѣзненное состояніе является весьма слабымъ.

I. Наиболѣе чистый, ясный и полный случай періодической амнезіи, часто приводимый авторами, описанъ Мэкнишемъ въ его „Философіи дня". «Одна молодая американка, проснувшись отъ долгаго сна, забыла все, что знала и чему училась. Память ея стала tabula rasa. Ее надо было учить всему съизнова. Она должна была вновь усвоить привычку читать (вначалѣ по складамъ), писать, считать, узнавать предметы и окружающихъ ее лицъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ она вторично впала въ глубокій сонъ и по пробужденіи стала такою, какою была до перваго сна: у ней были всѣ ея прежнія свѣдѣнія и воспоминанія о своей юности, но она вовсе не помнила того, что съ ней случилось въ промежуткѣ между двумя приступами сна. Впродолженіи болѣе чѣмъ 4-хъ лѣтъ у ней періодически были оба эти состоянія, возникавшія всегда послѣ глубокаго и долгаго сна... Она не сознавала двойственности своей личности подобно тому, какъ два отдѣльныя лица не сознаютъ относительныхъ свойствъ другъ друга. Въ своемъ старомъ, здоровомъ состояніи она сохраняла всѣ прежнія свѣдѣнія. Въ состояніи же новомъ она обладала тѣми свѣдѣніями,

какія пріобрѣла во время болѣзни. Въ старомъ состояніи она имѣла прекрасный почеркъ; въ новомъ писала плохо, такъ какъ не успѣла еще достаточно ознакомиться съ письмомъ. Когда ее хотѣли съ кѣмъ-нибудь познакомить, то представляли ей это лицо въ оба періода, такъ какъ иначе не было бы полнаго знакомства. Такъ же дѣлалось и относительно всего остального» *).

Оставимъ пока вопросъ, относящійся исключительно къ подобному чередованію двухъ личностей въ одной, и скажемъ только, что въ приведенномъ случаѣ получились двѣ полныя и другъ отъ друга независимыя памяти. Здѣсь мы наблюдаемъ, что не только память личныхъ фактовъ, память совершенно сознательная, дѣлится на двѣ части, никогда не смѣшивающіяся и вполнѣ независимыя другъ отъ друга, но то же случилось и съ памятью полуорганическою, полусознательною, благодаря которой мы можемъ говорить, читать писать. Изъ описанія этого случая нельзя видѣть, существовало ли это раздѣленіе памяти и относительно чисто органическихъ формъ ея—привычекъ: напр., учили ли вновь эту больную пользоваться руками для своихъ постоянныхъ нуждъ (ѣсть, одѣваться и т. п.). Впрочемъ, если предположить, что эта группа пріобрѣтенныхъ движеній сохранилась, все-таки раздвоеніе состояній сознанія на вполнѣ самостоятельныя группы выразилось въ данномъ случаѣ настолько рѣзко, что можетъ убѣдить въ томъ самаго скептическаго наблюдателя.

Д-ръ Азамъ приводитъ случай менѣе чистый, но который тѣмъ не менѣе подходитъ къ предъидущему. Нормальная память являлась и исчезала періодически. Въ промежуткахъ не пріобрѣталась постепенно новая память, но у больного сохранялись ничтожные остатки первоначальной памяти. По крайней мѣрѣ, такъ можно думать на основаніи наблюденія, которое нельзя назвать точнымъ въ психологическихъ подробностяхъ **).

*) Macnish у Тэна De l'intelligence, т. I, стр. 165 и у Комба System of Phrenology, стр. 173.

**) Revee scientifique, 22 декабря 1877 г. Напр., въ разсказѣ объ этомъ говорится, что во время одного изъ приступовъ боль-

Дѣло касается одного юноши, у котораго послѣ истерическихъ или хореическихъ припадковъ, совершенно исчезла память прошедшаго; онъ утратилъ все, чему учился, не былъ въ состояніи ни писать, ни читать, и считать и не узнавалъ никого, исключая отца, мать и сестру милосердія, которая ухаживала за нимъ. Тѣмъ не менѣе въ періоды этой амнезіи (длившейся обыкновенно около мѣсяца) молодой человѣкъ ѣздилъ верхомъ, правилъ лошадьми, не мѣнялъ прежняго образа жизни и даже въ обычное время правильно читалъ молитвы. Память возвращалась у него внезапно. Повидимому здѣсь имѣло мѣсто періодическое исчезновеніе памяти—совершенно неустойчивыхъ и не вполнѣ устойчивыхъ, другими словами сознательныхъ и полусознательныхъ формъ ея (вспомнимъ, что сознательность воспоминаній имѣетъ обратное отношеніе къ ихъ стойкости). Все же то, что входитъ въ составъ, организованной памяти, является рутиной, сохранилось вполнѣ: не исчезли самыя глубокія наслоенія памяти. Впрочемъ, я не стану говорить болѣе о такомъ наблюденіи, которое краткостью своего изложенія дѣлается негоднымъ для психологическихъ разъясненій.

II. Вторая, не столь полная, но гораздо чаще встрѣчающаяся форма періодической амнезіи прекрасно выяснена тѣмъ же д-ромъ Азамомъ въ извѣстномъ случаѣ Фелиды X..., подобное же явленіе наблюдалъ у одной изъ своихъ больныхъ д-ръ Дюфе. Эти случаи настолько извѣстны и кромѣ того относительно ихъ такъ легко обратиться къ источникамъ, что я довольствуюсь самымъ краткимъ изложеніемъ ихъ.

Одна истеричная женщина съ 1856 года подверглась странной болѣзни, заключавшейся въ томъ, что больная жила двойною жизнью и попеременно была то въ одномъ, то въ другомъ состояніи, которымъ д-ръ Азамъ даетъ названія „перваго“ и „втораго“. Эта женщина въ своемъ нормальномъ, „первомъ“ состояніи была серьезной, важной, сдержанной и трудолюбивой. Но вотъ она впадаетъ въ глубокій сонъ, те-

ной „могъ бесѣдовать съ большимъ умомъ и живостью, тѣмъ не менѣе не былъ въ состояніи возстановить свою память“ (??).

ряетъ сознаніе и, придя въ себя, является уже во „второмъ“ состояніи. Характеръ ея мѣняется совершенно: она становится веселой, шумливой, изобрѣтательной и кокетливой. „Она отлично помнитъ обо всемъ, что было во время такихъ же предшествовавшимъ состояній и во время ея нормальной жизни“. Спустя нѣсколько времени, болѣе или менѣе продолжительнаго, у ней снова дѣлается оцѣпенѣніе, послѣ котораго она является въ своемъ „первомъ“ состояніи. Теперь она уже забыла обо всемъ случавшемся въ ея „второмъ“ состояніи и помнитъ только нормальные періоды. Замѣтимъ еще, что чѣмъ старше становилась больная, тѣмъ менѣе продолжительны и часты дѣлались періоды нормальнаго состоянія и что переходъ изъ одного состоянія въ другое, сначала длившійся около десяти минутъ, сталъ совершаться съ неуловимой быстротой.

Это главнѣйшія черты даннаго наблюденія. Такъ какъ мы изслѣдовали ихъ подробно, то можемъ резюмировать ихъ къ нѣсколькихъ словахъ. Больная періодически бываетъ въ двухъ различныхъ состояніяхъ; въ одномъ изъ нихъ она обладаетъ полной памятью, въ другомъ частичной, касающейся всѣхъ предшествовавшихъ періодовъ лишь этого состоянія.

Аналогичный этому случай больной де Блуа описывается д-ромъ Дюфе. Во время періода, подобнаго „второму состоянію“ Фелиды, больная помнитъ мельчайшіе факты, происходившіе въ нормальномъ состояніи, также какъ и тѣ, которые относились къ состоянію сомнамбулизма. „Здѣсь совершалась такая же перемѣна характера: въ болѣзненномъ періодѣ, когда больная обладала полной памятью, она называла свое нормальное состояніе „глупымъ“ *).

Здѣсь надо обратить вниманіе на то, что при этой формѣ періодической амнезіи, одна часть памяти всегда сохранялась у больныхъ и въ томъ и другомъ состояніяхъ. „Въ обоихъ состояніяхъ, говоритъ д-ръ Азамъ, больная умѣетъ читать, писать, считать, кроить и

*) Подробнѣе см. Azam, Revue scientifique, 1876, 20 мая, 16 сентября; 1877, 10 ноября; 1879, 8 марта. Dufay, ibid., 15 іюля 1876 г.

шить". Значитъ въ этихъ случаяхъ мы не видимъ того совершеннаго раздвоенія памяти, какъ въ случаѣ приводимомъ Мэкнишемъ. Полусознательныя формы памяти дѣйствовали неизмѣнно въ обоихъ состояніяхъ умственной жизни больныхъ.

III. Чтобы закончить нашъ обзоръ различныхъ случаевъ періодической амнезіи, возьмемъ такіе примѣры, гдѣ это состояніе является въ очень слабой степени: случаи эти можно наблюдать при сомнамбулизмѣ, естественномъ и искусственномъ. Вообще, когда проходитъ приступъ сомнамбулизма, больные забываютъ все, что они говорили и дѣлали, но при каждомъ новомъ приступѣ у нихъ является воспоминаніе о предшествовавшихъ приступахъ. Исключенія изъ этого закона встрѣчаются очень рѣдко. Авторы много разъ приводили разсказанную Макаріо исторію одной дѣвушки, изнасилованной во время припадка сомнамбулизма. Придя въ себя, она совершенно не помнила причиненнаго ей насилія; но въ слѣдующій приступъ она разсказала объ этомъ своей матери. Д-ръ Менэ былъ очевидцемъ того, какъ одна больная два раза подрядъ во время приступовъ дѣлала попытки лишить себя жизни *). Одна молодая служанка впродолженіе трехъ мѣсяцевъ каждый вечеръ считала себя епископомъ, говорила и поступала сообразно съ этимъ саномъ (Комбъ), а Гамильтонъ приводитъ случай съ однимъ бѣднымъ подмастерьемъ, который, всякій разъ какъ засыпалъ, представлялъ себя богатымъ отцомъ семейства, сенаторомъ; каждую ночь онъ возвращался къ этой идеѣ, разсказывалъ ее внятнымъ голосомъ и отказывался признать свое настоящее званіе подмастерья, когда ему объ этомъ говорили. Нѣтъ никакой цѣли привести здѣсь еще массу извѣстныхъ примѣровъ подобнаго рода, изъ которыхъ можетъ быть сдѣланъ только одинъ выводъ, а именно—во время приступовъ сомнамбулизма наряду съ нормальной памятью появляется еще другая частная, временная память, обладающая иногда очень страннымъ содержаніемъ.

Резюмируя главныя черты, свойственныя періоди-

*) Archives générales de medicine, 1860, т. XV, стр. 147.